

Е.Тликен
МОРОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Константиновна Гликен

Морок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61072222

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь коротка, глупа и нелепа. Впрочем, поживи человек чуть подольше, возможно, он смог бы отыскать во всей этой суете и страданиях какой-нибудь смысл. Стоит только так подумать, как вот уже через пять, двадцать, даже тысячу лет... жизнь всё так же глупа, смешна и нелепа. Иннокентий, мечтательный юноша, волею судьбы попал в переplet. Его представления о жизни сломались о реальность. На долю его выпали чудеса и ужасы, и все это он, кажется, готов променять на уютный домик в деревне рядом с матушкой и подругой. Ведь только из-под теплого одеялка жизнь приключенческого романа кажется веселой и удивительной, а самому персонажу и свидетелю событий бывает ой как несладко. Дорожный роман с присущими любому пути приключениями, знакомствами, расставаниями и небольшими путевыми мудростями, сдобренный капелькой магии и украшенный по канту парой-тройкой древних призраков. Содержит нецензурную брань. А также и все остальное, кроме любви, дружбы и преданности

Екатерина Гликен

Морок

Жизнь коротка, глупа и нелепа. Впрочем, поживи человек чуть подольше, возможно, он смог бы отыскать во всей этой суете и страданиях какой-нибудь смысл. Стоит только так подумать, как вот уже через пять, двадцать, даже тысячу лет... жизнь всё так же глупа, смешна и нелепа.

Лошадь мерно ступала, ритмично кланяясь на каждом шагу и пытаясь выплюнуть донельзя надоевшую уздечку, застрявшую в зубах, кажется, навечно.

Казимир мельтешил рядом, мучаясь с каждым движением от адава огня, охватившего с утра его бедра и ягодицы. Край парчового желтого плаща волочился следом за ним по болотным кочкам, поблескивая золотыми узорами и ныряя в хлюпающие лужицы грязной жижи. Вчера в маленькой деревеньке он имел постыдный опыт езды верхом в чем мать родила. Без седла и без штанов. Как был гарцевал.

Понесло черта вспоминать молодецкую удаль. В крайнем доме сверкнули два черных раскосых глаза в окне, и старого дурака понесло.

«Ничего, до своих дойдёшь, расскажешь, мол о-го-го ещё дед-то», – заискивающе сказал ему на дороге трактирщик,

чтоб его язва взяла.

– Черт бы побрал эту мокрую стервь, – набожно крестясь, стонал Казимир. – Ты, щенок, считай, что тебе очень повезло, что ты сдохнешь раньше, чем узнаешь, что такое баба.

Иннокентий, к которому обращался Казимир, плелся сзади, догоняя всем своим долговязым телом кобылий зад, вытянув шею, на которую была накинута грубая петля конопляной веревки. Он был молод и дерзок. Даже сейчас, будучи захваченным в плен, преодолевая боль стоптанных до крови ног в кожаных скользких сапогах, благодаря которым он не раз уже падал и ехал на пузе за казимириной лошадью, и даже сейчас он воинственно хмурил брови и метал из-под них злобные кинжалы гнева в старика.

Во всяком случае, ему казалось, что злобные.

Ни один из них не долетел до старого Казимира. Он, хоть и бил врагов нещадно везде и всегда, но к мальцу привязался. Пухлые губы, почти девичьи, светлые выющиеся волосы до плеч, большие глаза... Казимиру все представлялось, что с этими-то данными, выюнош должен портить деревенских девок, а не воевать.

Казимир усмехнулся в усы:

– Ишь, какой грозный, зыркает, как котенок тот давеча, ух боюсь, проткнешь бровями-то, эка насупил, того и гляди забодаешь.

И Казимир засмеялся своей веселой шутке хриплым каркающим смехом старой вороны.

Иннокентий страдал. Более, чем физическая, эта, эмоциональная боль, это унижение, эта жалость старого Казимира пробирала его до печенок. Старый ряженный петух в желтой накидке, ковыляющий еле-еле, как он подло, как предательски схватил его.

Иннокентий был одним из немногих в деревне, кто был принят в ряды защитников и прошел весь курс обучения. Матушка днями и ночами напролет, не жалея старых глаз своих, вышивала рушники и подолы платьев, чтобы накопить денег на кузнеца. На доспехи собрать денег семье было невозможно. Но меч! Настоящий стальной меч, тяжелый, двуручный, хоть и с самым простеньким эфесом, у Иннокентия появился. Матушка плакала, когда увидела его одетого по всей форме, поднявшего к небу острие оружия. Соседские тетушки кудахтали и умилялись. Лея, опустив голову, глядела исподлобья, и в глазах ее читались и гордость за него, и страх, что важный такой теперь молодец не позарится на нее, и злость, что рвется он куда-то вместо того, чтоб помогать ей сматывать нити шерсти с веретена.

С детства он жаждал боя. Настоящего, честного поединка с врагом, глаза в глаза. Он представлял себе, как умрет от руки более опытного противника. И как воин, превосходящий его в силе и опыте, повергнувший однажды его, склонит голову в дань уважения молодому Иннокентию, который так храбро и мужественно сражался.

Порой, представляя это, Иннокентий мог так расчувство-

ваться, что из глаз его сами по себе текли слезы, слезы жалости к себе, такому юному и отважному и так рано ушедшему. У него было несколько фраз на случай, если он успеет перед смертью что-то передать родным и близким. Все они не были достаточно хороши, но все же, окажись он в смертельно опасной опасности, ему было бы что сказать этому миру на прощание. Одна из фраз была удивительно прекрасна, она была ритмична и музыкальна, ее он с удовольствием бы завещал встречному барду, чтобы тому было легче сложить песню о славных боях.

Как мерзко, как подло поймала его эта ряженая старая ворона, падкая на все блестящее, звенящая серьгой в ухе, бряцающая перстнями, вся утыканная золотыми пряжками. Не воин, а торговец. Грязный подлый выжига, вечно воняющий луком и водкой, как вор подкрался сзади и набросил на него мешок. И всё. Всё! Никакого благородства. Эта старая сволочь, если была бы в нем хоть капля чести стал бы драться с ним, один на один! Вместо этого он накинул мешок, сзади, втихую.

Иннокентий презирал Казимира, презирал несправедливый мир, презирал болотные кочки, о которые спотыкался, плетясь на веревке за лошадью, не в силах больше укорять самого себя за собственную оплошность, по которой оказался в плену.

Тем временем они вышли на распадок, Казимир остановился. Кобыла его, зная все повадки хозяина стала, как вко-

панная, тут же. На болотах было тихо: ни птиц не слышать, ни жужжания комаров.

– Здесь и заночуем, – сказал Казимир, с кряхтением старой курицы сгибая колени и плюхаясь набок для ночлега.

Есть было нечего. Никакого зверья на болотах и в помине не было.

Казимир отвернулся и тут же захрапел. А Иннокентий долго еще ворочался, руки затекли в петле, шея ныла, а главное, мысли роились в его голове в превеликом множестве. То он представлял, как оплакивает его матушка, то строил план побега, то пытался разгадать, зачем старый черт волочет его за собой по болоту.

Иногда на память ему приходили стародавние рассказы матушки об этих топях. Будто бы был на этом самом месте замок. И не просто, а богатеиший, так как стоял аккурат на тракте, через который шли торговые пути из Низин на Взгорья. Почему теперь здесь топь, Иннокентий не знал. А спросить было не у кого. С подлым Казимиром говорить не хотелось вовсе.

Сон понемногу начал наваливаться тяжестью на веки. Сквозь прикрытые глаза он видел размытые серые контуры мелких кустов, видел, как отражается луна в окнах болота, видел серые клубы тумана, волной накатывающиеся с запада. Что-то было такое в этом тумане... Он не был похож на ту дымку, которая поднималась рано утром от реки вблизи его деревни. Дымка стояла над водной гладью, не двигаясь,

рвалась на ключья, когда случилось подуть ветру. Здешний туман был плотнее, и, что казалось странным, двигался, переходил с места на место, приближаясь к их распадку.

Иннокентий решил, что таковы все туманы здесь, однако мелкая дрожь схватила его тело, зубы начали стучать. Вовсе не от страха, а от..., от..., непонятно от чего. Он взглянул на сопящего невдалеке Казимира. Тот спал как святой. Туман приближался. Иннокентий захотел закричать, убежать, непонятно, почему. Казалось, уши оглохли и сердце остановилось, а мысль была только одна – бежать, как зверье бежит из горящего леса, не разбирая дороги, лишь бы прочь.

– Казимир! – крикнул Иннокентий.

На самом деле, он хотел крикнуть, но только слабо прохрипел что-то невнятное. Голос, и тот был не в его власти.

Старому вояке было достаточно и этого. Казимир резко вскочил на ноги, и в один прыжок оказался рядом с мальцом. То, что увидел Иннокентий заставило забыть его свой прежний страх от тумана. Глаза Казимира полыхнули ярким красным светом, а из самого нутра его вырвался, хотя и приглушенный, но довольно зловещий рык.

Иннокентий перестал дрожать, вместо этого он теперь пронзительно икал, да так сильно, что, казалось, при каждом новом толчке воздуха из желудка его тело подбрасывало на пару метров от земли. Бежать было никак не возможно, все, что оставалось – зажмуриться.

Открыл глаза он тогда, когда почувствовал, что по воло-

сам и за ухом его треплет чья-то рука. Над ним, опершись одной рукой на колено, а второй трепля по его волосам, стоял Казимир.

– Спужался, малой? Чего сполошился-то? Приснилось что?

– Т-туман, – в перерыве между пиками икоты выпалил Иннокентий?

– И что туман? Не видел туману раньше? – ласково спросил Казимир.

Иннокентий обмяк и обрел дар речи:

– Так то туман какой, наш-то туман все на месте стоит, а этот ходит, будто высматривает что-то, будто живой он, туман этот. Идет на меня, ближе всё, ближе, ближе...

Казимир разогнулся, потянулся, хрустнув затекшими руками, зевнул и уже без всяких эмоций продолжил:

– Ну и что? Это ж ведь туман просто. Даже если ближе подойдет, воздух – и только.

–Нет, в этом воздухе что-то было... – медленно проговорил Иннокентий, втайне надеясь, что Казимир скажет, что там, в тумане быть ничего не могло, кроме ветра. Чтобы окончательно успокоиться, Иннокентию достаточно было простого этого предложения.

– Ну и что, что было? Тут и там, и за горой, и в Низинах, везде что-нибудь да есть. Что ж теперь? Всех пугаться? Наоборот, то оно и славно, что везде-то в мире что-то есть, а значит, ты не один. Ты представь, ну, как ты один остался...

Во-от, это-то страшной всего.

Иннокентий замолчал, решив больше ни слова не говорить Казимиру, обидно было, что этот старый дурак мало того, украл его, как курёнка несмышленного, со спины, без боя, а теперь еще и потешается над ним. Стыдно было за себя быть таким нюней. Однако, любопытство взяло верх:

– А что там? Что в тумане?

– Шишиги.

– Шишиги? Что это, шишиги?

– Да ничто, воздух поплотнее чем обычно.

– А зачем пришли?

– Ну даешь, ты, когда в своей деревне сидишь, а по главной дороге через всю деревню путник чешет, ты что ж делать будешь? В окно выглянешь да навстречу ему сходишь, посмотришь, что он такое. Так и они. Мы по их землям топаям, они смотрят, что да как, люди, звери ли. Хороши ли, разбойники ли. Интересуются.

– А если разбойники, то что?

– Золото покажут, смехом бабьим заманят, да в прореху-то водную и завлекут. А там поминай как звали.

Иннокентий снова начал дрожать.

– Да не дрожи ты, ты мал еще, дурного в жизни не успел наделать, ты им без надобности. Меня... Меня могут. Да только я черт старый, бывалый. Спать ложись, завтра поутру пойдем, так солнце до середины неба не доберется, а мы уж в деревне будем.

Казимир подошел к Иннокентию и впервые за три дня их знакомства развязал ему руки и скинул петлю с шеи. Больше сторожить Иннокентия было не надо, малец славно напугался, никуда не уйдет.

– Да вот еще, – укладываясь, сказал Казимир. – Коли утром встанешь, а меня нет, беги быстро, только так, чтоб солнце глаза слепило, прямо ему навстречу.

– А почему тебя утром нет?

– Шишиги ж, приходили, по мою душу, стало быть.

– Так давай дежурить, по полночи не спать...

Но Казимир уже примостился на боку и храпел. Хитрый старый лис знал, что хорошенько напугал мальчика, и тот будет до утра сидеть, не сомкнув глаз, защищая своего врага Казимира, как родного. И не ошибся.

Всю ночь Иннокентий крутил да вертел в голове то, что видел. Что за шишиги. Почему зарычал Казимир. Ну с ним-то было более-менее все понятно, со страху рык привиделся, а так, потроха урчали, голодные ж идут который день. А красный свет – да кто его знает, привиделось. Чепуха с голдухи перед глазами кривляется. А вот шишиги! Эти твари не давали покоя уму.

Зачем надо кому-то путников завлекать да топить, на всех ли болотах живут шишиги. А главное, какие они? Иннокентию представились образы, завернутые в саваны, плавно летящие по воздуху... И тут он вскочил, поняв, что за раздумьями заснул, сморил его чертов сон. Солнце уже поднима-

лось над топью, кобыла старика стояла рядом, а вот самого старика не было...

«Беги быстро», – вспомнились Иннокентию слова Казимира. Еще минуту он постоял, думая, надо ли брать с собой лошадь в побег, и вдруг помчался, крича и размахивая руками, не разбирая, куда ступают ноги, совершенно забыв об осторожности, не боясь пропасть в трясине.

Сильный удар в ухо сшиб его с ног. Мир пропал, вместо него поплыли перед глазами картины пляшущих девок на праздник первого снопа. «Вот они, шишиги!» – приходя понемногу в себя, думал Иннокентий. Догадку подтверждало ощущение, что его куда-то волокут, ухватив за правую ногу. Он попытался напоследок хотя бы глянуть, какие они, шишиги, но боль в голове была настолько сильна, что он не смог и глаз открыть, только застонал.

– Ну, пришел в себя что ли? – раздался сверху голос Казимира.

Еще через секунду Иннокентий приоткрыл один глаз и увидел своего пленителя. Вид тот имел самый злобный и недовольный, вдобавок штаны его были как-то недвусмысленно мокры, а желтая парчовая накидка изгажена чем-то нехорошим.

– Я только проснулся, в кусты отошел, расслабился... Гляжу ты через лес чешешь, как мельница руками машешь, того гляди взлетишь, надо было ловить. Вот помчался тебя ловить руками, а все остальное в штаны поймал, будь ты, мерз-

кий сморчок, неладен! – немного погодя, уже со смехом, объяснил Казимир.

Иннокентий хотел было объяснить, как он всю ночь не спал, как караулил, как сморил под утро его сон, как он проснулся и решил, что Казимира забрали шишиги, и как побежал скорее от того места, где ходила нечистая, но вместо всего этого только представил себя оруще-бегущего на болотах и сначала тихонько засмеялся, делая вид, что покашливает, но смех разбирал изнутри, раздвигая ребра, и он не смог удержаться и загоготал во весь голос. Старая ворона в мокрых штанах забасил рядом.

Иннокентий смеялся до боли в животе, поглядывая на Казимира и чувствуя, что этот старик, разодетый как княжна на выданье, чем-то нравился ему, чем – непонятно, но как будто они стали ближе.

– А ты, дядь, тот еще за***нец, оказывается, – сквозь смех проговорил Иннокентий.

– А ты б себя видел, – утирая слезы смеха отозвался Казимир.

Немного погодя, отсмеявшись, они продолжили свой поход.

– А как придем в деревню, что там будем делать, – спросил окончательно расслабившийся Иннокентий.

Теперь он шел рядом с Казимиром, и старик вернул ему его меч. Какое-то теплое чувство родилось в груди Иннокентия по отношению к старшему товарищу. Уж и не таким под-

лым казался его поступок. А как иначе? В том и сила старого воина, что не все надо кровью добывать, ум на то и дан человеку, и смекалка для того и есть, чтобы меньше крови пролить. Кому нужна кровь? Это ему, молодому, виделись сражения, а мудрая старость жизни бережет.

– Да дело у меня там, малой. Дело есть, понимаешь, обещал я им кой-чего.

– А когда дело сделаешь, куда пойдём?

– Куда пойдём? – задумчиво протянул Казимир. – Ох, малой, мало ли мест на земле, куда пойти. Тебе-то что за дело. Идешь и иди. Дела они разные ж бывают.

– Но ведь ты военный, ты ж биться с врагами пойдешь?

– А что ж, и с врагами биться пойду.

– Возьми и меня с собой! – Иннокентий забежал вперед старика, являя себя во всей красе. – Мне страсть охота и мир повидать, и военному делу научиться. А ты человек опытный. Возьми меня в ученики!

Казимир как-то грустно ухмыльнулся:

– Отчего не взять. Можно взять.

По всему стало видно, гложет Казимира какая-то тоска. Иннокентий не стал спрашивать, пока ноги шли, голова его путалась в мыслях о том, как будут они со стариком биться с врагами, как научит его всему вояка, как однажды он, Иннокентий, похоронит его с почестями у дороги, поставив на могилу огромный валун, как вернется к матушке истинным героем, как расскажет Лее, как ему повезло встретить

опытного воина, и какой могучий да умный сам он стал теперь.

Незаметно за дорогой вышли они к деревне.

Старый корчмарь встретил Казимира как давнего друга, хлопая того по плечу. Они обменялись хитрыми взглядами.

– Он? – спросил корчмарь.

Казимир кивнул.

Все вошли в дом. Стол для них был уже накрыт. Дымящаяся похлебка в глиняных горшочках, два кувшина молока, баранья нога...

Иннокентию было приятно, что его новый друг такой важный человек, которого везде принимают как своего. Это придавало весу и самому юноше.

– Сходи, малец, скажи Аксинье, чтоб хлеба дала и вина...

Иннокентий направился к низкозадой хозяйке.

Корчмарь разместился на лавке рядом с Казимиром.

– Ты только быстро его кончи, не мучь долго – сказал Казимир, принимая от корчмаря маленький тугой платяной мешочек. – В душу он мне запал, понимаешь...

Корчмарь кивнул.

Закатные лучи солнца играли разными цветами оконной мозаики, подсвечивая непонятно как уцелевший сюжет истории, в котором Светозара Могущественная, стоя в узкой бойнице Длинного Варфоломея, воздев кверху белые руки, молит небеса о дожде, чтобы спасти Край от засухи, продол-

жавшейся третий год.

Королева Евтельмина Прекрасная уныло ковыряла серебряной вилкой в зубах, разглядывая витраж пиршественной залы. С тех пор как Светозара Могущественная бесславно опозорила магическое искусство, в Краю не осталось ни одного человека, обладающего хоть сколько-нибудь способностями, отличающимися от махания кайлом или топором. Каждый взмах руки, не обреченный инструментом сельскохозяйственной направленности, вызывал опасения и навлекал смерть. Бабка Евтельмины Прекрасной, Кларисса Мудрая, велела сначала обезглавить Светозару Могущественную, лучшую свою подругу, а затем истребила всех волшебников в округе, пытаясь снять с себя гнев народный, который возрастал пропорционально тому, как быстро высыхали поля в Краю от палящих лучей солнца. Не сделай этого Кларисса Мудрая, крестьяне обрушили бы свое негодование на королевский дворец, погрязший в жирной копченой свинине и пороках, заселенный друзьями, родственниками и случайными знакомыми всех мастей, огруженных орденами и званиями.

После провальных реформ Клариссы Мудрой, в результате которых все бездари и подлизы Края, собрались во дворец, решение подставить магов было единственным мудрым решением. Однако, сейчас, через 50 лет после всех событий, во дворце стало невыносимо скучно: даже простейшие фокусы были под запретом. Чирий, вскочивший третьего дня

на королевском седалище, – единственный, кто не давал заснуть в этом безжизненном месте, разбавленном тоскливой компанией инженера, фармацевта и дремучей королевской няньки, оставленной при дворе из милости к прошлым ее заслугам и сказкам, которыми, бывало, она баловала юную Евтельмину, пока королева-бабка предавалась возлияниям.

Нянька была дряхла и морщиниста, как старый башмак, лицо ее имело зеленоватый оттенок, она казалась покрытой той самой благородной патиной, какой были щедро одеты все лестницы и бюсты дворца. Старческие глазки производили такое невероятное количество гнойных слез, что будь они хоть где-нибудь пригодны, скажем, в аптекарском деле, эта пифия могла бы открыть небольшой заводик по производству эликсира. К сожалению, все, что производила сушеная мойра, было абсолютно бесполезно. Всё, кроме одного.

Несмотря на крайнюю ветхость и совершенно гадкий вид няньки, память её была остра, как нож. При удачной активизации сознания старой клячи беззубый рот мог без усталости в течение пары часов выдавать преданья старины настолько глубокой, настолько поэтичной и величественной, что королева, истосковавшаяся по чудесам, ни на минуту не отпускала старуху от себя и заботилась о ней лично, лучше и больше, чем о себе.

Да, конечно, в Краю после зачистки от магии начали развиваться науки. В основном, математика и статистика. Сначала посчитали всех особей мужского пола в Краю, потом

женского, потом принялись уточнять количество коров и свиней. Когда и это было сделано, вспомнили про курей. Дальше принялись делить людей на курей, и наоборот. Выяснили, что в Краю живут хорошо, так как на каждого человека пришлось по одной курице. На этом развитие науки застыло, и в обществе набрало популярность философствование, так как теперь необходимо было все же установить точную последовательность: одна курица на одного человека приходилась в Краю, или один человек на одну курицу. Находились смельчаки, которые утверждали, что в самом начале утверждения следовало бы ставить курицу. В ответ на это лояльные к власти мудрецы обвиняли сторонников радикальных суждений в том, что такое утверждение неизбежно производило Евтельмину в королеву курей. Философы окраин, выступавшие по преимуществу на площадях, возводили такие умозаключения в степень, вещая, что в указанном случае королева курей – сама кура... Пару философов сослали на дальние выселки, на том и с этим закончили.

Без магии в Краю было невыносимо скучно: без заговоров на полях не росли зерновые, без благословений и помощи высших сил не беременели бабы в деревнях, без нашептываний знахарей мужики спивались, без оберегов люди пропадали в лесах и на болотах...

Высокая словесность, необходимая при составлении заклинаний, была заброшена, барды вымерли от пьянки, а летописцы более упражнялись в рисовании заглавных букв,

нежели в документальном отражении действительности, да и то: отражать-то было нечего.

Магия была жизненно необходима и совершенно невозможна. Указ Клариссы Мудрой действовал еще ближайшие 50 лет, его отмена сулила проклятием рода на 12 поколений, (пожалуй, это единственная оставшаяся магия в Краю). По этому указу до сих пор псы королевства рыскали по всем селам и весям, выискивая, выслушивая, вынюхивая все, что связано с волшебством: сплела ли бабка косу внучке кольцом в противоход солнцу, расшила ли мать подол девке на свадьбу красными крестами, шепнула ли молодая что-то за порогом дома в сторону от всех, – тут же являлись ловцы и хватали подозрительных, увозили к мясникам и терзали и мучали их, пока не бросали бескровных с белыми губами в колдовские колодцы с камнями в наскоро зашитых брюхах.

Евтельмина Прекрасная была страшна и бездетна. Собственно, и Прекрасной-то ее нарекли, оправдывая невозможность выдать замуж, говорили, настолько-де хороша, что претенденты на руку и сердце слепнут от великолепия. Исправить безобразие могла только магия, а она была под запретом. Евтельмина слишком боялась проклятия для своего рода, чтобы разрешить хоть одному колдуну приблизиться к себе, но годам к сорока поняла, что рода нет и не будет, и все чаще стала задумываться над способом нарушить бабкин указ. С каждым годом шансов нарушить его оставалось все меньше. Королевские псы усердно колесили по Краю в поис-

ках ведьм и колдунов, корчмари, которыми стали отпущенные из тюрем убийцы на условии получения свободы за роль палача, самозабвенно пытали и уничтожали своих жертв.

Евтельмина поначалу стала бывать в пыточных подвалах, желая найти порядочную ведьму. Официально визиты нанесли якобы с личным контролем преданности убийц-палачей. Зоркий взгляд королевы смотрел не на жертву, а на ее мучителей, пытаясь высмотреть хотя бы одного палача, делающего работу без искры и задора, готового вступить с ней в сговор по поиску и спасению носителей запрещенных знаний. В глазах истязателей она искала хоть каплю жалости к бабам в грязных передниках, плюющих зубами и кровью, хрипевших от боли и страха, согласных на все обвинения палача. Не было там жалости.

Зато теперь у Евтельмины была бессонница от вечных картин, встающих перед глазами, наполненных разбросанными зубами и ногтями, белеющими костями из раскрошенных пальцев, рваными мочками ушей и лужами скользкой жирной крови. Был удушающий тошнотворный запах, который не заглушить никакими духами, никаким луком или извостью...

– Пошли вон! Все вон! – королева кинула серебряной вилкой в толпу танцующих.

Оркестр осекся всего на мгновение, свирель издала протяжный, удивленный звук. Но вскоре все продолжилось с тем же жаром и пылом, что и за секунду до паузы.

К выходкам стареющей безобразницы все давно привыкли

– Сударыня, Рогнеда скончалась, – склонился к Евтедьмину долговязый математик.

Королева приняла скорбное выражение лица и уже приготовилась сказать традиционное «все мы смертны», но задумалась.

Сломанный в районе поясницы в форме прямого угла математик застыл над ней с приготовленным понимающим лицом.

– Кто такая Рогнеда? – медленно проговорила Евтедьмина

– Нянька...

– Нянька сдохла хвост облез, – как-то машинально пропела королева...

Иннокентий спускался в сырость винного погреба, увлеченный мыслями о будущей славе, тщательно продумывая свое поведение в случае, если его объявят героем.

– Нет-нет, – милосердно говаривал он собравшейся толпе. – Ну что вы, – тихонько смеялся Иннокентий и тискал толстых розовых младенцев, которые тянули к нему свои пухленькие ручонки, вырываясь из объятий молодых матерей, почти вплотную придвинувшихся к нему и в восхищении желающих стать еще ближе к великолепному юноше. – Что вы? Что вы? Совсем я не герой, герои – это вы. Наши любимые тетушки и матушки, невесты и дочери. Вы, те са-

мые, которые ждут нас ночами!

Воображаемая толпа обступала Иннокентия, уже явно чувствовались все запахи крестьянского тяжелого труда. Сильнее и сильнее ударял в нос пот, жаркий, удушливый запах крови становился явственнее. Иннокентий старался быть выше этого и не прикрывать нос от чудовищной вони, которая шла от окруживших его жителей деревни. Нельзя было показать, что они ниже его. Однако запах становился все назойливее.

Вдруг раздался тяжелый звук, как будто дубовую дверь, окованную железом, со всей силы закрыли. Иннокентий прервал свою вымышленную речь перед обожателями. Действительность поразила его, он догадался, что запах, мучавший его обоняние, происходил не от толпы вовсе, и, вообще, не был выдумкой.

Он стоял посреди грязного полутемного подвала, где на самом деле пахло затхлой кровью и потом.

– Как это можно содержать в такой нечистоте винный погреб, – подивился Иннокентий и попытался отыскать проход к бочкам, хранившим в пузе игристые зелья.

Думать о плохом сейчас, когда жизнь открывала перед ним тысячи дорог, наконец-то давала ему шанс и помощника воплотить в реальность всё, о чем он мечтал, не хотелось. Иннокентий старался не смотреть на пол, заляпанный кровью, не разглядывать, обо что там в полутьме споткнулся. К дурманящему запаху он почти привык.

– В конце концов, хорош герой, испугался подвала, – подбодрил себя Иннокентий вслух и постарался рассмеяться.

И действительно, на какое-то время это вернуло ему бодрость духа. Как же мог запаниковать тот, в кого поверил старый прожженный Казимир. Нет, опытный вояка не мог ошибаться. И уж если он выбрал Иннокентия, значит в Иннокентии что-то было. Нельзя допускать и мысли о трусости, ведь такими мыслями только подведешь Казимира, испытанного и закаленного в боях, выбравшего именно его и поверившего в него.

Терпеть вонь и прогонять страх стало в разы проще, когда Иннокентий стал делать это не для себя, а ради старшего товарища. Того, что несколько мгновений назад пугало, теперь хотелось еще и еще, на место страха явился теперь раж: хотелось, чтобы испытаний стало намного больше, чтобы Казимир мог бы гордиться своим избранником. Вот уж верно, ведь Казимир-то точно знает, что в подвале у корчмаря, и, наверняка, хитрец и отправил его сюда, чтобы испытать: а не ошибся ли он в юноше.

– Нет! Не ошибся, Казимир! – почти выкрикнул Иннокентий и сделал решительный широкий шаг вперед.

Тут же он почувствовал, что угодил во что-то мягкое.

«Не смотри!» – услышал юноша приказ внутри себя. И тут же сам с собой поругался: «Ну и хорош ты, паря, если испугался того, что лежит на полу. стыдоба, посмотри, что там, что как девка-то?»

Ужасная, страшная догадка поднималась из недр желудка, оставляя за собой бурление в области живота, она практически докатилась до горла, застряв в нем криком ужаса и распухая, занимая собой весь путь движения воздуха, просясь наружу любым способом.

Иннокентий решительно наклонился и поднял то, что заставило его остановиться. «Рука?» – удивленно переспросил внутренний голос. – «А монстры?»

Тонкие пальцы находки, неестественно вывернутые в разные стороны, как указатели на столбе, торчали в разные стороны. Поначалу это даже не было страшно, это было любопытно. Иннокентий удивился: «Что за уродец – хозяин странного тельца?»

Юноша начал припоминать, как на День Изгнания магов, в деревне женщины рядились в страшные и смешные наряды, красили лица в яркие цвета и соревновались в том, кто страшнее скорчит харю. У некоторых рожицы выходили не столько страшные, сколько уморительные. Иннокентий, вспоминая несколько таких девчушек, даже улыбнулся, забыв о своей находке. Некоторые, особенно гибкие, превращали деревенские игрища в настоящее представление, так ловко они могли изгибать позвоночники и руки, что нельзя было решить сразу, то ли они мучительно скручивают себя и терпят боль от неестественного положения тела, то ли вправду такими родились.

Иннокентий осматривал то, что нашел и никак не хотел,

и не мог признаться самому себе в ужасе своего положения. Вместо того, он сосредоточился на глупом вопросе – принадлежала ли эта рука уродцу от рождения или ее отрубили в тот самый момент, когда хозяин ее изогнулся на День Изгнания для удовольствия зрителей.

Мысль о том, что эта рука принадлежит обычному, такому же, как он, человеку и что изогнутой она стала вследствие действий мучителей, яростно стучалась в сознание юноши, но он не сдавал бастионы, не допуская ее ни на вздох ближе.

Иннокентий попятился назад, чувствуя, что все-таки самое разумное сейчас – просто уйти от находки, выбраться на свет. Сделав пару шагов, поскользнулся и так и рухнул всем телом, прижимая к себе чужую уродливую руку.

Тот ком ужасной догадки, которая застряла в горле, с этого момента неудержимой лавиной прорвала плотины сознания и дамбы тела, выливаясь отовсюду – из глаз слезами, из горла – криком, из штанов – дымящейся теплой массой.

Иннокентий бессильно двигал ногами, пытаясь отодвинуться как можно дальше от места падения, он скреб руками по полу, мотал головой и изгибался всем телом, пытаясь сбежать из душного подвала, не понимая, что уперся в стену и не продвигается ни на сколько.

Немного придя в себя, он повертел головой, чтобы угадать хотя бы по небольшому клочку света, где находится дверь, чтобы выйти, но света не увидел.

– Да как так-то? – растерянно прошептал Иннокентий.

– А здесь всегда так, – ответил рядом тихий ласковый шепот.

Иннокентия затрясла мелкая дрожь. Дыхание стало частым и отрывистым. Через несколько секунд он понял, что его трясет и он как-то гаденько мелко и тоненько хихикает.

– Обосрался тварь! – Иннокентий почувствовал резкий удар по голове, и все перед его глазами поплыло и исчезло.

Он еще барахтался в надвигающемся сером тумане, который заливался в глаза с самых краев, закрывая обзор, он еще силился закричать, позвать своего защитника и учителя, который точно услышал бы его, найди Иннокентий в себе хоть немного сил, пусть даже шепотом, назвать его имя. Ему уже не было стыдно за свой испуг, неважно было, как на это посмотрит его товарищ, будет ли презирать его. Ему просто хотелось, чтобы это скорее кончилось. Он понял, что очень-очень соскучился по маме. Иннокентию захотелось оказаться дома, на теплой печке, а за занавеской мелькание быстрых маминых рук и шелканье масла в сковородке.

– Ка-зи-мир! – прохрипел Иннокентий.

Голова его безвольно повисла.

В тёмной избе было жарко натоплено. Лампады, качающиеся по углам комнаты, сильно чадили, отчего брёвна и мох вверх до самого потолка были чёрного цвета. В доме пахло травами, прелым сеном, гнилью и кровью.

За большим столом собрались пять человек. Казалось, они все пришли на какой-то удивительный бал-маскарад, потому что костюмы их были столь различны, а лица и волосы так дивно украшены, что совершенно нельзя было понять, люди это или картины сумасшедшего художника.

Самой заметной казалась фигура высокого белого старика с длинной седой бородой, вытянутым благообразным лицом и глазами, источающими лукавую хитрецу. Лоб старика украшала расшитая тесьма, такая же вилась вокруг его бедер. Белая льняная ткань покрывала тело от плеч до пят.

Всё собрание хохотало в голос, кто-то склонился с высокого кресла под стол, обхватив руками живот, кто-то запрокинул голову, кто-то утирал слёзы смеха, в то время, как кудесник держал речь перед ними:

– И вот, что я им ответил, – в этот момент белый старик встал, слегка наклонил голову, как бы прислушиваясь ко всему, происходящему в мире, вскинул длинные узловатые руки вверх и гнусаво полупропел-полупрошептал. – Слышу, слышу, поелику я зело, тамо бысти величав, орел и огонь полетит, свет воды коснется, а оттуда ж хитрый зверь глядит, яркий луч его согнул, каменья востры... Дальше – тьма.

Собрание взорвалось восторженным дружным хохотом, старик плюхнулся в кресло и тоже рассмеялся.

– И?! И что же они решили из твоего ответа? – всхлипывая от смеха, еле выговорил невысокий коренастый сосед его, Богдан.

Этот выдавался больше вширь, нежели в высоту. Казалось, что рос он в дубовой бочке, которая сдерживала его от развития вверх. Лицо было совершенной противоположностью лицу белого старика. Нос мясистый и кривой, как бы сломанный множество раз, толстые губы буквально свисали над подбородком, и каждый раз, когда коренастый собирался высказаться, он делал усилие, чтобы собрать их чуть ли не с колен, докуда они достигали, там, где им и положено быть, под носом.

– Откуда я знаю, я ведь оракул, а не нянька! – ответил седобородый. – Мое дело – не молчать. А там уж, что решат, то и решат.

Внезапно смех стих, что совпало с появлением в двери узкого силуэта.

Внутрь комнаты вошёл светловолосый юноша, худой и угловатый, с белыми ресницами и пухлыми губами. Голубые глаза лучились почти детской наивностью. Над такими пареньками хочется подшутить, им так и просится на руку дать затрещину.

Однако все присутствовавшие замолчали. Напряжение заполнило комнату. Юноша занял место напротив белого старика и выложил на центр стола толстый фолиант.

Книга, затянутая чёрной кожей, с вкраплённым в неё чистейшим сапфиром, глухо ударилась о дубовую поверхность и раскрылась примерно на середине.

Большая заглавная «О», усыпанная агатовой крошкой и

расцветенная мелкими осколками сердолика, вздрогнула и тонкой струйкой дыма поплыла под потолком, утягивая за собой остальные знаки со страницы.

– Началось, – недовольно прошипела кудрявая брюнетка с ярко подведенными карими глазами справа от юноши. – Борис, мы видим все это уже не в первый раз. Что толку на них смотреть? За год никто так ничего и не понял. Может быть, это просто красивая книжка. Красивая и без смысла.

– Как ты, Матильда? Красивая и без смысла? – вкрадчивым ласковым голосом спросил белокурый.

Мужская половина общества вновь разразилась дружным смехом, щеки Матильды вспыхнули краской, а глаза блеснули искрами.

Через несколько секунд Борис дал знак, и все умолкли, почти все. Белый старик продолжал хохотать, закрыв глаза и хлопая ладонью по столу. Борис хлопнул в ладоши, и в тот же миг на лице оракула явился свиной пяточок.

– Я могу продолжать, не правда ли, друг мой? – ласково уточнил колдун.

Присутствующие затихли. Все, кроме Матильды, стараясь не смотреть на своего уродливого товарища, уставились на выющийся под потолком дымок хитросплетенных знаков и букв.

– Вот! Вот сейчас! Смотрите внимательно! – дал знак Борис.

Все пристально вглядывались вверх, и там наконец-то по-

явилось что-то более-менее понятное: «Она умрет, их станет двое, но лишь один из них –ей сын». Тут же раздался хлопок.

– Зачем ты закрыл книгу? Мы могли узнать, что там дальше!

– У меня другой вопрос, Вениамин, – спокойно ответил Борис. – Почему мы не видели этого раньше?

– Да! – вспыхнул коренастый. – Вопрос хороший, но вопрос Вениамина тоже хорош! Что там дальше? Мы должны знать все!

– Всё? Что ж, ну если ты, Богдан, хочешь знать, что было дальше, я скажу тебе. Однако, может быть, ты и хочешь знать, что же там дальше, но поверь мне, лучше бы ты не знал.

– А то что? Наградишь меня свиным рылом? Нет уж, пусть все узнают.

– Пусть решает совет, Богдан.

За столом одобрительно загудели: «Совет», «Пусть будет совет».

– Хорошо, пусть будет совет, – поднялся Борис. – Но я хочу напомнить вам обо всем, что предшествовало нашему знакомству и этому дню

– Все вы помните, – продолжил он. – о том, что в Краю запрещена магия. Именно поэтому мы и собрались здесь, на этом, так сказать, острове прокаженных, все, кто владеет хоть какими-то способностями, укрылись здесь от глаз псов и корчмарей.

Все вы помните, что каждому, кто хоть немного похож на колдуна, грозит пыточная камера. И все вы догадываетесь, что в Краю, пожалуй, не осталось уже ни одного настоящего мага, и помните, что наша цель – продержаться здесь, сохраняя наши знания еще пятьдесят лет, до того момента, как закончится действие указа Клариссы Мерзкой. Именно с этой целью мы не выходим дальше избы на болотном острове, чтобы здесь сохранить все, что пригодится и расцветет пышным цветом через полвека.

Чтобы тогда, когда настанет Золотой Век Края, мы, именно мы, встречали людей, истощенных отсутствием волшебства и поэзии, именно мы стали бы им напутствием и именно мы встали бы по правую и левую руку нового короля!

Именно мы...

– Позволь, Борис, право, я не очень понимаю, к чему ты это говоришь, но еще полвека я точно не проживу, так что эта великая цель на меня не действует, и для меня и половины здесь собравшихся, такая великая цель – не больше, чем простые слова, мы колдуны, но не боги, и жить вечно не сможем. Если великая цель и есть та самая причина, которая должна стать препятствием к открытию второй части послания, то не стоит тратить свое и наше время», – сказал огненно-рыжий мужчина с круглым брюшком и веснушчатými руками.

– Позволить-то я позволю, Ярушка, да только ты сначала вспомни, как ты сюда попал.

– Как и все, Борюшка, как и все.

– А вот и нет, Ярушка, не как все. Как все – это выдумка, достоверность которой вы никогда, ни один из вас, не проверяли. Я знаю историю каждого из вас, а вы знаете только одно: ваша история как у всех.

А давай-ка, Ярушка, я тебе одну историю расскажу. Мою самую любимую и короткую. Про Матильду. Впрочем, может, Матильда сама пожелает?

– Вы же прекрасно знаете, что я ее не помню. И не могу помнить ее.

– Потомууу чтоооо... – протянул Борис.

– Потому что я была грудным ребенком! – выпалила Матильда.

– Нет, потому что в тебя ударила молния.

На лицах сидевших за столом показалось недоумение. После паузы Борис продолжил:

– Тебе было шестнадцать, когда в тебя ударила молния. Да-да, ты бежала от реки, в которой в ту ночь купалась с подружками. Никто не знает, что именно тогда произошло, но выжила только ты одна, остальных девушек затянуло на дно.

Каким-то чудом сбежала только ты. Вернулась в деревню. Тебя не простили. Все сошлись в одном: ведьма. Все говорило об этом: у тебя не было родителей, вырастила тебя старая бабка, дом ваш стоял на самом краю, почти у леса, ты была красива, а красавца Мартина, в которого ты была влюблена,

сватали к девушке, которая погибла в реке.

Выходило очень ловко: ты отомстила деревеньке, утопив всех молодежи. Раз не достался Мартин тебе, значит никому не достанется.

– Я чудовище? – оторопело спросила Матильда.

– Может быть. Очень может быть, – задумчиво проговорил Борис. – Во всяком случае, нет никаких доказательств, что ты этого не делала, хотя и доказательств того, что это сделала ты, тоже нет. Впрочем, на этом история твоя не закончилась. Если позволишь, я продолжу.

– Нет! Пожалуйста, нет! Остановись, довольно того, что сегодня я стала убийцей! Больше не надо.

– Хорошо. Если только тебя это успокоит.

– Нет, продолжай, успокоить уже будет ничего невозможно. Я хочу знать, как я оказалась здесь и зачем я тут.

– Несколько мгновений назад ты спросила, чудовище ли ты? Я сказал, что возможно. Я лукавил. Ты – самое настоящее чудовище. Это реальность. Люди полагают, что в мире существуют колдуны, волшебники и простые смертные. Лишь совсем немногие знают, что есть еще люди, которые от человека позаимствовали только внешний вид. Есть кудесники и маги, которые способны делать привороты, варить зелья, травить кур, исцелять и насылать болезни, предсказывать будущее, видеть прошлое. Это те же люди, просто их способности немного шире, чем у большинства. А есть стихии, которые выглядят как человек. И магия не способность

человека, они сами и есть магия. Ты, Матильда, тьма. Ты та самая тьма, окутывающая сумерками дороги, леса и деревни, ты та самая тьма, которая опускается на землю перед грозой, ты тьма, которая прячется в уголках подвала, жметя к стенкам сундуков, балует под навесом в жаркий день. Ты существуешь не здесь с нами за столом, ты вездесуща, а также с нами здесь и сейчас.

Тогда у реки ты впервые раскрыла себя, это произошло невольно, случилось внезапно, и впервые увидев себя ты напугалась не меньше остальных. Так произошло – твои подружки бросились врассыпную от тебя, кто-то не справился с сильным течением на середине реки, кто-то запутался в водорослях, кто-то случайно получил удар по голове и пошел на дно. Ты не поверишь, сколько видов смертей существует на свете. И в тот день, каждая твоя подруга умерла своей собственной.

Тебя обвинили не сразу. Жители деревни были уверены, что трагедия произошла по вине солнечного затмения в тот день, которое видно было отовсюду. Сначала тебя считали божьей милостью, ведь одна ты выжила и вернулась.

– Но если я стихия, почему я об этом ничего не знаю?

– Потому что ты думаешь, что стихия, в твоём случае – тьма, это – что-то другое. Ты думаешь, что ты не она, а она не ты, что вы разные. Иногда ты можешь видеть какую-то неясную связь между вами. Например, ты иногда замечала, что, когда ты сердиться, небо темнеет. Ты чувствовала, что

это связано, но не верила, что это возможно. Да, тебе казалось, что это возможно, что так и есть, что твоя сердитость влияет на появление тьмы, но ведь так не бывает, говорила ты сама себе. Ты просто забыла, что ты и есть тьма, и что на самом деле нет никакой связи между твоим хмурым настроением и сгущением тьмы, потому что нет никакого хмурого настроения, есть только ты, ты и есть тьма, и тебе не надо ждать, пока кто-то нахмурится. Ты просто набегашь на свет, а думаешь, что хмуришься. Это невыносимо трудно объяснять словами, проще говоря, ты не Матильда, которая чувствует связь с темнотой. Ты и есть тьма, которая думает, что она Матильда. Чудовище ли ты? Вряд ли. Ты даже не понимаешь, хорошо или плохо от тебя кому-то, ты просто есть. Убила ли ты девушек? Тоже вряд ли. Ты просто была в тот момент, была без намерения добиться чьей-то смерти или напугать кого-то.

Ну так что, Ярушка, похожа ли твоя история и история Матильды? – подмигнул Борис рыжеволосому.

– И похожа, и нет, – не растерялся Ярослав. – Только ты уж всю историю расскажи, как все ж Матильда тут, с нами в избе оказалась?

– А я ее за хвост поймал, в кадку, да знаками особыми из книги и запечатал, – то ли пошутил, то ли серьезно ответил Борис.

– Ну а молния? Причем тут молния? – спросила Матильда.

– Ха-ха-ха, – весело рассмеялся Борис. – Вот так и знал, что всем интересно про молнию будет. Молния – чистая случайность. Вы знаете, что первым, кто оказался на острове, был я. Тут были я и Книга. Я и Книга, Книга и я. Мне было скучно, в Книге я не понимал ни слова. Вот так же открывал, оттуда вылетал дым, закрывал. Я ожидал подвода, что придет за мной по болотам, так прошли пара недель. Однажды вечером я заснул головой на Книге, и мне приснился странный сон: будто девушку хотят сжечь на костре, но я могу ее спасти. Всего-то и надо поймать в кадку темень из подвала, накрыть крышкой и на крышке знаки написать.

Проснулся я посреди ночи, прямо-таки подскочил, дай, думаю, так и сделаю, а вдруг. Темень-то я поймал, а что делать дальше с нею и не знаю. Сидим мы вдвоем в доме: на одной стороне стола я, на другом – кадка. Смешно и страшно. Ну и вынес я кадку на улицу, да забыл про нее. Глупость приснилась, и ладно. Сам по дому хозяйничал, кашу варил. Тут, глядь в окно, небо затянулось да дождь полил. Капли крупные, да ветер сильный. Ветром кадку повалило, а оттуда Матильда выпала. Труханул я, конечно, а как же. Да девчонку-то надо спасать, валяется на земле, видно, что без сознания. В дом затянул. Выспалась. Я все и разузнал, что вам рассказываю. А потом ей рассказал, как она здесь очутилась.

И тут Матильда как спохватится, бусы, говорит, со мной бабушкины были, я их храню, они мне дороже всех сокровищ. Ну, видать, в кадке остались. Она к кадке и выбежала.

А тут как молния ударит по ней сверху. Еле откачал. Жива осталась. А как на болотах очутилась и что до избы было – не помнит.

А я и рассказывать не стал. Меньше знаешь – крепче спишь. Да и страшноовато. Вдруг и меня утопит.

– А сейчас-то зачем рассказал? – спросил седобородый.

– А затем, Миролюб, что, раз уж вы хотите узнать, что в книге написано, то должны сначала каждый о себе правду узнать.

– Про себя–то я, положим, все знаю. Я ведун, или вещун, кому и как угодно. Откуда способность во мне живет, не знаю, только знаю, что, бывает, рот раскрою, а оттуда слова сами сыпятся. Что слова значат, я не ведаю, потом только, опосля могу понять. Только вот ни разу не было, чтобы слова эти впустую сыпались. Всегда со значением. Другое дело – значение их понять мало кто умеет.

Началось все давно. В детстве меня вообще отовсюду гоняли. Дурачок был деревенский. Иду так вот, иду себе, а потом вдруг слово какое скажу. Или головой начну мотать. Или рукой дергать. Но чаще слово какое-нибудь. Прямо лезет и лезет из меня. Меня так дураком и считали, бить не били, чураться не чурались, но только всерьез никто не принимал. И то, самому было противно, стоишь с парнями да девчатами, кто косу треплет, кто в сторонке шепчется, а я вдруг, ни с того ни с сего возьми и начни ерунду какую говорить. Это потом во мне тётка проезжая оракул распознала. К матушке

моей пришла и говорит: «Сын твой, Аксинья, что будет вещает, дар у него такой, не дурак он. Ты мне, Аксинья, верь, я барышня ученая, много книг прочла. Таких раньше берегли как зеницу ока, а теперь истреблять начали. Вот, держи адрес, мальчика ко мне пришли. Только никому ни слова.».

Бедная матушка моя, собрала мне заплечный мешок и отпустила, иди, говорит, темными лесами к людям добрым, ищи Рогнеду, она тебя спрячет и дар твой поможет на службу добру поставить. Только до того, как Рогнеду сыщешь, про дар-то никому не говори.

Я и пошел куда глаза глядят. До самого дворца дошел, там ученая эта со мной и занималась, там и жил, и столовался. Кормили хорошо, одевали, грамоте учили. Да только не показывали никому, прятали.

А ночью приходила ко мне ученая эта и вопросы разные задавала. А ей свою тарбарщину и выдавал. А она записывала. В эту самую Книгу и записывала, которая сегодня с нами на столе лежит. А как пропала Книга, так Рогнеда меня и отпустила, сказала, в Книге той все написано, как найду ее – так все мое обучение и кончится. А искать ее – надо за мигающей звездой идти, как под звездой встану – так и на месте.

– Так ты что же, Миролоуб, можешь понять, что написано в книге? – спросил коренастый.

– Так, может, и могу, – ответил Оракул.

– А что ж ты раньше не рассказывал про себя? Мы тут сколько сидим, пробуем понять, а ты прочесть можешь?

– Да я, признаться, думал, все могут. Мы же все считаем, что наши истории одинаковые, так я думал, что все у Рогнеды обучались. Тем более и Бориса я там пару раз видел. Так я был уверен, раз все у нее были и никто не прочел, и я, стало быть, не смогу.

– Да кто такая эта Рогнеда, в конце концов! – стукнул Богдан по столу кулаком.

– Что это все значит?

– Зачем нас здесь собрали?

– Что значит эта книга?

Собравшиеся гудели, задавали вопросы, пытались дать ответы, никто никого не слушал, каждый что-то говорил.

Борис поднял руку и громко сказал:

– Сначала все мы узнаем наши истории, и только потом откроем книгу. До тех пор это – опасно. Согласны ли вы провести ночь за рассказами о себе.

Все притихли, и, как ни хотелось поскорее добраться до тайн, решили все же рассказать каждый о себе.

С тяжелым сердцем покидал Казимир корчмаря, непомерным грузом по ляжкам брякал кошель с золотыми.

В этот раз было все не так. Выть хотелось.

«Неужели совесть?» – в ужасе вздрогнул Казимир.

Хорошая, ладная да широкая дорога вилась вдоль плетня, уставленного по временам битыми горшками и длинными выбеленными черепами козлов.

Дом, стоящий в глубине корчмарских угодий, был опрятен и хорош, чем-то был похож он на яркий пряник, которыми манят детей на ярмарках по осени. Синие крашенные рамы оконца весело подмигивали путнику, отражая хрустальными стеклами солнечных зайчиков.

Кто не знает – иди да любуйся, как солнечные блики весело переглядываются с анютиными глазками на клумбе, перебегают на белую известковую дорожку и заглядывают в высокий прохладный колодец. Пойдет мимо торговец на рынок с широкой подводой, заглядится да размечтается, а краснощекая дочь его вздохнет томно раза два о женихе из такого дома.

Да Казимир и сам всегда любил ходить мимо корчмы. Сердце от радости заходило, да и от гордости. Ведь они с корчмарем все сами, этими вот руками. И стёкла из хрустала – их придумка, хрусталь толще стекла, значит за таким окном криков изнутри дома не слышно.

Вот и сейчас он шел и по привычке прислушивался. Он знал, что корчмарь уже приступил к истязанию жертвы, а потому шел, как всегда, затаив дыхание, не слышно ли чего? Нет! Хороши стекла! Держат!

– Держат, с.ка! – растерянно пробормотал корчмарь. – Держат!

Солнце перевалило за середину дня и палило нещадно. Надоедливые его отражения в непросохших лужах лезли под рубашку и в лицо, залезали в самую душу, поднимая со дна

её всю муть. Козлиные черепа пустыми глазницами тарасились на Казимира, как будто спрашивали: «Что же ты, старый хрыч?»

– Ааааааааааа! – хрипло закричал Казимир, мотая головой, как будто пытаюсь вытряхнуть вопрос из головы.

Сначала негромко, как бы пробуя голос, а потом громче.

– Ааааааааа!

Горшок с плетня, тяжелый камень с дороги, какой-то ком грязи – все это, смешанное со стариковским хрипом, летело в хрустальные стекла.

Казимир бежал, орал, кидал все, что попадалось под руку, в опрятный домишко корчмаря и ревел. Ревел, как в детстве, когда, спрятавшись от строгого отца, хоронил в лесу старого пса. Ревел без оглядки на тех, кто увидит: упоенно, самозабвенно и искренне. Рыдал, как рыдают только ангелы и дети.

Старик упал, зацепившись за корягу, да так и остался лежать, размазывая грязь и слезы. Слезы эти не были горьки или солены, слезы эти были слаще самого вкусного леденца, какие бывают в Имерите.

Наплакавшись вдоволь, вздрагивая от икоты, Казимир свернулся клубком и заснул там же, где и упал.

Сон ему снился странный, как будто и не сон вовсе, а что-то Казимир припомнить все время силился, да не мог, а тут вдруг контуры забытого проступать стали, как бы тени после полудня, длинные, пугающие, но знакомые.

Снилось ему, будто он маленький совсем, сидит на бере-

гу реки да кидает камни в прохладную воду. И так-то ловко камни падают и булькают смешно, что легко и весело у Казимира на душе, стрекозы жужжат, солнышко бликами по воде играет. И отец его рядом, живой, не изменился нисколько: борода седая, а маковка лысая, в сети запутанный так же, как когда нашли его соседи-рыбаки, хохочет и синим пальцем грозит Казимиру, вроде как сын провинился в чем-то.

– Тять, ты живой? – спрашивает Казимир. – Мне сказали, что ты умер.

Хохочет отец и пальцем куда-то в реку тычет. Посмотрел Казимир на реку, а это и не река уже вовсе, а пес его старый, и не на берегу он, а в лесу, собаку свою закапывает. И не то, чтобы закапывает, а в яму глубокую ее бросил и камнями кидает, чтоб та издохла. И каждым камнем ловко так попадает, а животное так скулит жалобно, что вся радость во сне и улетучилась.

И смотрит Казимир на собаку, и собака на Казимира смотрит, прямо в глаза ему, и голосом человеческим громко кричит на него: «За что? За что, Казимир?»

Открыл старик глаза в испуге, а над ним корчмарь – за грудки его трясет и орет: «За что?»

– Зачем окна мне побил, гад?!

Казимир спросонья только мычит да глаза таращит. Бросил его корчмарь, посчитав пьяным, да ушел.

Корчмарь ушел, а Казимир так и остался лежать, как был во сне. В голове только одно: «Что за сон дивный, что и не

сон вовсе, а все это было уже где-то»

Припомнилась ему жизнь в деревне. Мать припомнилась ясно так. Странно это было, ведь мать он вроде и не видел никогда, и знал про нее мало. А тут вспомнил все, как в театре увидел со стороны: руки ее, на указательном пальце все время от иглы красное пятно, что-то шила она всегда, кружева делала на продажу.

Вспомнил, как болел он в детстве, как обнимала она его, и руку свою ладонью прижимала к его груди, и тепло от ладони по всему телу его растекалось: затекало в самые далёкие участки, согревало каждый уголочек, а шепот ее как на волнах качал. Что-то шептала она всегда при этом.

Шептала и рукой водила. ... на той стороне бел-горюч камень Алатырь...

Казимир вскочил, будто его кто за волосы вверх дернул. Мать-то заклинания шептала!

– Нет-нет-нет-нет! Быть того не может, сон – это еще, сплю я, быть этого не может!

Истовый королевский пес, охотник на магов, известный всем корчмарям в округе, как лучший поставщик тел для пыток – сын колдуньи!

Нет, этого не может быть.

– Ах ты, бел-горюч камень Алатырь, ну уж нет, мороку нагнал, ишь шельмец какой, а я его как сына родного берег да за него переживал. А он меня обморочил. Ах ты, недоносок! А я-то старый дурак, просил корчмаря его не мучить долго,

по-быстрому кончить. Ах ты, вражье племя, мороку нагнал.

Казимир решительно направился в сторону дома корчморя в надежде успеть, пока еще с мальцом не кончил палач, дать ему хорошего пинка и от себя лично, и от каждого жителя Края, которого он мог бы обморочить.

– Убью колдуна, – промычал Казимир, и тут же почувствовал что-то неладное.

Ноги не шли, как будто увязли в топкой трясине, он огляделся по сторонам. Чудные дела, каким-то образом, пока думал, видимо, ходил взад-вперед, да не заметил, как в топь зашел.

Казимир был почти по ягодицы в трясине.

– Хорошо еще, что в болотное окно не попал, только по трясине хожу. Так бы ухнулся в болото, поминай как звали. Однако и выбираться пора. Солнце садится, пока видно еще что-то, надо выходить, как стемнеет – совсем будет опасно.

Старик огляделся, чтобы выбрать направление движения, но вокруг не было видно ни одного деревца, в какую сторону земля могла бы быть тверже, совершенно непонятно.

– И как я успел так далеко зайти-то! – удивлялся Казимир, высматривая место потверже, чтобы перескочить на него со своего кусочка земли.

По спине пробежал легкий холодок. Казимир прислушался: ни пенья птиц, ни жужжания насекомых, ничего.

– Ну раз ничего, так и бояться нечего, – рассмеялся он. – Что это я вдруг? Когда насколько глаз хватает, кроме меня

никого нет, кого ж мне бояться-то?

Бывалый и опытный, он начал припоминать. Дорога от деревни, где сцапан его руками был Иннокентий, лежала на корчму. Шли они с ним с утра и на полдень. Значит, и сейчас туда же. Старик повертел головой, чтобы понять, где сейчас садится солнце, но солнца не увидел, зато насчитал около десяти звезд. Над ним темным синим куполом раскинулась ночь.

– Да как так-то? – растерянно прошептал Казимир.

– А здесь всегда так, – ответил рядом тихий шепот.

Казимира затрясла мелкая дрожь. Дыхание стало частым и отрывистым. Через несколько секунд он понял, что его трясет и он как-то гаденько мелко и тоненько хихикает.

Ему было очень страшно, такой жути он не испытывал никогда, но поделать ничего не мог – его буквально и трясло, и разрывало мелким смехом. Остановиться было невозможно.

Диафрагма сокращалась, весь организм Казимира сосредоточился на мелких выдохах, толчках воздуха изнутри наружу. Воздух вокруг был свеж и прозрачен, он был рядом, но вдохнуть его не удавалось никак. Казимир задыхался, он упал и трясся в агонии на земле, раскрывая рот все шире и шире, в надежде зацепить хоть маленький глоток воздуха, уголки его рта треснули, и из них сочилась кровь, затекая в уши и под рубаху, наполняя горло.

Старуха сидела в обычной позе, сложив руки на животе,

наклонив низко подбородок, и, как будто, спала.

– Почему вы решили, что она умерла, – спросила Евтельмина.

– Ну она не дышит, и сердце ее не стучит, – отрапортовал математик.

– Смешно даже, ее сердце настолько старо, что стучит только по большим праздничным дням, так что это не доказывает ничего. Сейчас я ее разбуду.

Королева, стараясь не выдать испуга за своего единственного по-настоящему близкого человека, решительно двинулась к ветхой старушке.

– Нянька! – крикнула Евтельмина ей в ухо.

Тело старушки качнулось и камнем рухнуло под стол.

Страшная, горькая мысль наконец-то проникла в сознание королевы, как бы она ни старалась избежать этого. Лицо ее, до сих пор всегда безобразное, преобразилось. Белизна так шла ей, горе, заставшее Евтельмину врасплох, высветило всю красоту ее, обнаружив для всех разом и ярким зеленым огнем горящие глаза, и неожиданно красивые пухлые губы, обнажившие ряд крупных белых зубов, и удивительно высокую линию лба, на котором застыли вскинутые нити бровей. Королева застыла, как старинная картина, и бывшие с ней залюбовались, забыв обо всех неприятностях на свете, включая нянькину смерть.

Какая-то сладкая истома, теплая волна тихой радости овладела дворцом. Ничто не могло противостоять ей: ни лю-

ди, ни гончие, ютившиеся у ног, ни даже медные статуи, ото-звавшиеся на несуществующий и в то же время настойчиво очевидный свет золотым блеском.

Казалось, весь дворец онемел и застыл под действием неведомых чар. И, хотя магия была под строжайшим запретом, каждый из присутствовавших боялся шевельнуть даже мизинцем, не желая ни в коем случае, даже малейшим движением скинуть наваждение, которое давало и отдых, и радость, и забвение горестей, и будило воспоминания о самых радостных минутах в жизни.

Вскоре перед лицами всех, кто был там, явились картины далекого беззаботного детства, первой влюбленности, рождения детей, картины самых счастливых моментов. Как будто из пыльного шкафа достали хранящиеся в них вещи, любовно стряхнули пыль и торопливо перебирали, согревая их, давно забытых, теплом сердец и рук.

Первым разрыдался флейтист маленького дворцового оркестра. Высокий стройный юноша с бледным лицом в обрамлении черных кудрей и мечтательными карими глазами. За ним, словно пробудившись, последовали и все остальные, даже гончие под столом подняли морды кверху и пронзительно завывали. Евтельмина вздрогнула и приняла прежнее выражение лица.

Действительность вернулась хозяйкой на все, что недавно было захвачено неведомой благодатью, обнажив пыль и грязь, затерев салом медь и серебро и кинув сетку морщин и изъ-

янов на лицо королевы.

Реальность, душная и вечная, как солнце, требовала решать насущные проблемы, отдавать приказы, вставать из-за столов и садиться за них вновь. Повседневность дергала теперь за нитки своих кукол, заставляя повторять бессмысленные нелепые и всегда одни и те же действия: есть, спать, говорить, складывать ладони одна на другую, смотреть в окно. Все то, к чему каждый привык и делал это, казалось, даже не сам, не вкладывая в это никакого сознательного участия, все то, что тело делало само, однажды заведенное, как болван на шарнирах.

Но что-то сейчас было не так. Что-то непонятное, но что ощутил каждый. Что-то, что именно и было настоящим, то самое сознание, которое так редко участвовало во всем, что делалось телом, не вмешивавшееся до этого в бессмысленно и упорно исполняемый каждодневно обряд.

Тем невыносимее и невозможнее казалась привычная засаленная реальность с желтыми пятнами утренних вставаний с постели и розово-красными разводами закатных лож.

Ум, неприспособленный к пониманию чего-либо, кроме вкуса блюд и различения октав придворного оркестра, не способный вместить ничего более, кроме слез обиды и радости удовольствий, этот ум пытался понять и осмыслить произошедшее, силился и не мог.

И в то же время, ум этот чувствовал во всем случившемся угрозу, которая обещала уничтожить его, опровергнув его

существование, отрицая его бытие.

– Сжечь ведьму! – слабо прозвучал голос математика.

– Сжечь! – громче и увереннее выкрикнул распорядитель обедов.

– Сжечь! Сжечь! Сжечь! – требовали голоса общим хором.

Задумчивые мечтательные глаза придворного флейтиста загорелись каким-то нездешним огнем, пытаясь настичь каждый голос и уничтожить его, сжечь навсегда до малой-малой горстки серого пепла.

– Пошли вон! Все вон! – королева кинула серебряной вилкой в толпу танцующих.

Привычный жест вернул придворных на место, как будто отдал приказ жить, как раньше, не придавая внимания чудесам. Оркестр, будто спохватившись, принялся играть. Мир завертелся привычно, как мельничное колесо, как будто ничего и не происходило, магия исчезла.

Событие, которому недавно дивились все, оказалось не просто позабытым теперь, а и вовсе вычеркнутым из сознания почти каждого. Если бы и привелось кому спросить о чуде, явленном несколько минут назад, никто из присутствовавших ни за что бы не вспомнил, о чем речь. Каждый помнил, что утром он встал, когда светило уже солнце, оделся и пришел в пиршественную залу и так далее и так далее.

Чудом удалось старому вояке перевернуться на бок. Силь-

но ударяя себя кулаками в живот, он сумел остановить спазмы смеха и начал жадно глотать воздух. Через несколько минут смог встать на четвереньки. Надо было выбираться из болот, скорее хотелось на твердую землю, усесться на полянке, а там бы и костерок неплохо было б развести.

– А там, чего уж, и воды болотной накипячу, – пить хотелось невыносимо.

Солнце удивительно быстро поднялось и жгло нещадно. Саднило голову, как будто от недавней травмы.

– Ничего-ничего, – рассуждал Казимир. – Это когда падал, поранился. Это пройдет. Сейчас глоток воды бы, а там и деревня, к бабе под бок да выспаться, и всю эту боль-занозу как рукой снимет.

Он зажмурился, растянув губы в сладкой улыбке от предвкушения встречи с мягкими перинами и пышными боками. Минуты наслаждения прервала сильная резкая боль в руке. Казимир открыл глаза.

Перед ним не было больше опушки, не было леса, не было хлюпающей тропы под ногами. Из всего, к чему он успел привыкнуть за последнее время оставались только жажда, боль в затылке и руке.

Впрочем, скоро ко всем бедам вернулось и хлюпанье. Казимир попытался встать. Его рука уткнулась во что-то мягкое, не такое мягкое, какими бывают взбитые подушки, а такое безвольно мягкое, какой бывает груда тел, если на ней лежишь. Все это собрание мертвяков продавливалось от во-

рочания Казимира и хлюпало. Вонь была невыносимая.

Задрав голову вверх, старик понял, что находится в колодеце. Он моментально вспомнил тихий шепот рядом, видимо, кто-то говорил с ним, пока он валялся тут же без сознания: «А здесь всегда так...»

Казимир, приподнявшись, внимательно оглядел трупы рядом с ним, ни один из них не сохранял признаков жизни. С размаху шлепнулся опять на вонючую гору человеческих останков.

В голове гудело, хотелось пить, колодец был неглубок, но сил вылезти из него сейчас и думать нечего было.

Казимир обшарил руками свой костюм, в нем по-прежнему были нож и огниво. Веревка, которая сейчас была бы очень кстати, осталась на лошади.

– Огонь есть, мясо рядом – не пропаду, – хрипло усмехнулся Казимир и тут же, поддавшись обаянию сна, захрапел.

Плана выбраться не было и думать о нем было слишком рано. Надо было восстановить силы. Из всех доступных средств у Казимира был только сон. Казимир был немолод и опытен в жизненных передрыгах, он знал, что лучше заснуть, чем мучиться догадками о превратностях судьбы.

Проснулся он от холода, на дворе стояла хорошая лунная ночь. Пить хотелось по-прежнему. Казимир приподнялся на локтях и попытался сесть. Немного повозившись, он прочно уперся спиной в каменную стену колодца, пошарив руками рядом с собой, нащупал сухие тряпки, резко рванул на себя

и выдрал кусок чьего-то подъюбника.

Умостившись удобнее старик торопливо расстегнул штаны, обложил промежность тряпками, и, начав испражняться, подставил под горячую струю ладони. Набрав немного в горсть жадно поднес ко рту и проглотил. Расторопность позволила сделать ему и второй глоток. Казимир довольно откинулся, утирая губы рукавом рубахи и чувствуя, как внизу тяжелеют от желтой влаги куски домотканого полотна, сорванного с умершей.

Тряпки он бережно собрал и отер ими лицо и руки, приложил к саднящему затылку.

– Сейчас бы табачку, – мечтательно посмотрел он вверх из колодца, где на темном небе видны были звезды. – Значит вчера я эти звезды уже видел. Стало быть второй день пошел, пока я оклемался.

Говорить с самим собой было скучно, старик окинул мертвую кучу взглядом и нашел среди них более-менее целое лицо. Дальше он стал говорить уже с ним.

– Так вот, Проша, такие дела. Второй день пошел, как оклемался я. А сколько прошло, пока я тут в кушерах валялся? А? Эээ.

Проша не ответил, собеседник он был так себе. Зато как понимающе молчал, пока Казимир обсказывал ему свои приключения.

– Ну что, друг, пора мне и выбираться отсюда. У тебя тут есть с кем поболтать, а мне двигаться пора.

Старик вытянулся во весь рост, прижавшись к стене, достал огниво и начал водить вдоль камней, будто ища что-то.

– Что говоришь? С другой стороны? Ну спасибо, Прощка. Век тебя не забуду.

Он продолжил ползать с огнивом по противоположной стене колодца и вдруг замер. Огниво освещало небольшой участок стены и довольную старую помятую рожу. Луна выбралась на середину неба к этому моменту и внимательно наблюдала за Казимиром.

Достав ножик, ловким движением старик воткнул его меж камней и всем своим ростом рухнул в темный прямоугольник коридора, соединявшего колодец с погребом, удивительным образом возникший прямо напротив него.

В тот же миг послышался грузный шлепок, а еще через мгновение хриплый каркающий смех.

– Так-то, дружок, кто все строил-то? А? Руки помнят...

Через несколько минут эхо разнесло старческое кряхтение и шлепки удаляющихся шагов.

– Ин-но-кен-тий! – позвал кто-то его по имени.

Странно, имя вроде и принадлежало ему, и звали вроде бы его, но звучало это как будто о чужом, незнакомом ему человеке. Вроде и его зовут, и не его.

И тело, которое он чувствует и его, и не его.

И кто же звал его – юноша огляделся. Вокруг был только болотный туман, небо заволгло, и на распадке, где он оч-

нулся, не было ни одной живой души.

– Чудеса какие, – восхищенно проговорил Иннокентий. – Но нет, я точно не стану бояться. Не к лицу это герою.

Он говорил с собой вслух, чтобы подбодрить себя и рассеять подступающий страх, однако от этого стало еще более неудобно, потому что казалось, что делает он как-то не так, возвышенно и по-дурацки одновременно. Он даже поднял руку вверх и кому-то погрозил, но, на всякий случай, все же стараясь не смотреть на туман.

А дымка все приближалась, налезая на распадок, где приютился юноша. Туман был плотный и холодный, несмотря на летнюю пору оставаться без движения становилось чрезвычайно холодно, изо рта шел пар.

Иннокентий огляделся в поисках тропки и с удивлением обнаружил прямо у ног уложенную чьей-то рукой деревянную гать по хлюпающей топи. Он шагнул и за первой увидел вторую. Несколько времени прыгая по небольшим мосточкам, вышел на вполне утопанную песчаную тропинку. На сердце повеселело, вспомнилось, как, бывало, в деревне девки водили хороводы, как в одну из таких встреч загляделся он на свою Лею...

Песок закончился внезапно, так же, как и начался, дальше шла узкая тропка, которая щетинилась на Иннокентия белесой травкой и то и дело недовольно хлюпала под ногами, будто возмущенная, что ее потревожили. Тропка была старая, но крепкая. Однако идти по ней быстро не получа-

лось, в темноте она была еле видна. А каждый шаг в сторону грозил смертью.

За тропинкой нога увязала по щиколотку, а то и больше. А оказавшиеся рядом перепрелые корни, торчавшие на поверхности, обманом манили к себе, захватывая путника, ступившего на них, почти до половины, где окружали тело ледяной водой.

Оступиться было нельзя, тропку в темноте разглядеть было сложно, да и спать хотелось, глаза устали вглядываться во тьму. Иннокентий подумал, а не вернуться ли на распадок. Однако, обернувшись назад он увидел только густой слоистый серый туман. А под ногами сплошь болотные кочки и никаких намеков на твердую поверхность.

– Да что ж это за чертовщина! – в сердцах сказал Иннокентий.

– Кхе-кхе-кхе! – кто-то рядом заходился от кашля.

Иннокентий начал вертеть головой, слева в тумане не пойми откуда завозились длинные тени и слышались хлюпающие отдаляющиеся звуки.

– Дяденька! Погодь! – крикнул напуганный юноша, погнавшись за фантомом. – Стой, дяденька!

И тут же воткнулся в холодное, почти каменное и твердое нечто.

Нечто оказалось вполне реальным и удивленно разглядывало его. Через некоторое время похлопало его по плечу

– Ши-ши-ги! – догадался Иннокентий, теряя сознание. –

Спешить нужно, чтобы выбраться. Еще успею...

– Раз уж Миролюб заговорил обо мне и сказал, что видел меня у Рогнеды, то очередь рассказывать, стало быть, за мной. Малышом еще я потерял мать, отца у меня и не было. Матушка моя была, стыдно сказать, девкой на дороге. Прижила меня, а с кем и сама не знала. А как подрос, так отправила меня куда глаза глядят. А попросту продала псам королевским, которые рыскали по дорогам.

Борис вздохнул, переводя дух. Некоторое время он молчал, пытаясь прогнать жалость к себе, подкатившую к горлу, жалость от безрадостного детства и постоянных вечных унижений.

Общество за столом понимающе молчало и выжидало время вместе с рассказчиком.

– Вы знаете, – продолжил Борис. – По деревням снуют гонцы, выискивая магов и чародеев, чтобы уничтожить их. Моя мать продала меня такому псу, уверив, что я колдун.

Все понимающе вздохнули.

– Но как же ты выжил? – спросил Ярослав.

– Повезло. Просто повезло. Пес мой, как оказалось, человек сердобольный, взялся за работу только ради денег. У самого мальчонка был маленький. Так он меня пожалел и отвез прямиком к Рогнеде. Откуда он знал, что она бережет колдунов и магов, непонятно, я его и видел-то только дорогой туда, да и не говорили мы с ним. Я его просто ненавидел.

Знаю только, что спас он меня ценой жизни своей. Кто-то его выследил, как он меня Рогнеде передал, выследил и доложил. Королева его повесить велела. Даже, говорят, перед этим самолично допрашивать ходила.

А меня Рогнеда вырастила да многому обучила. Я потом к ней и заходил временами. А искусство мое все вы знаете. Морок – мое искусство.

– Вот, что хочешь говори, а люди сказывают, что морок не искусство. Морок и есть вся хитрость одна, – вклинился в разговор Вениамин.

В комнате как-то сразу стало душно и неприятно. Вениамин и Борис всегда находились в состоянии вежливой вражды. Их отношения были больше похожи на загул мартовских котов: каждый отпускал в адрес соперника замечания и шуточки, но в открытый бой не лез никто. Однако, привыкнуть к их способу фехтоваться на словах было невозможно. Каждый раз, казалось, будто они вот-вот схватятся и убьют друг друга. Их ненависть друг к другу было почти физически ощутима, она вливалась густой липкой волной всякий раз, как они затевали разговоры, она искрилась белым светом и калила воздух докрасна.

– Что ж, Вениамин, – ответил Борис. – Раз люди сказывают, то так оно и есть? Одни люди сказывают, что все от лесного бога в мире произошло, другие, что от водного. А те, которые во дворце живут, сказывают, что не все произошло от бога, а только они. Так что же, Вениамин, я слышал, что

говаривают люди, будто морок – единственное искусство, а остальное – фокусы. Напомни нам о своих умениях, кстати.

– О моем умении знают все здесь. Мне нет нужды уверять других, что я маг. Носы свинячьи людям не приклеиваю. С этим искусством не плохо бы в День Изгнания на площади фиглярствовать. Я, друг мой, человек ученый, и не по книгам Рогнеды, а ученый я таким учением и такими учеными, что тебе, родной, и не снилось вовсе. Я книжник.

– Ох ты батюшки, Вениамин. Читать умеешь, стало быть? И подпись свою сам поставить можешь, кроме крестика еще пару закорючек нарисовать?

– Борис! – не выдержал Богдан. – Ты же знаешь, что книжник – это не умение читать.

– Я-то знаю! Я знаю! Я всё про вас про всех знаю! – краснел и задыхался от ярости Борис. – Я знаю вас всех, знаю, что с вами будет!

Борис тряс в воздухе кулаками. Наконец обессиленный, он упал на свое кресло. Тогда Вениамин продолжил:

– Я книжник, и это известно всем. Мое искусство не опишешь полуночным разговором, рассказывать о нем нужно несколько дней без перерыва на сон, и то будет далеко не все. Я отличаюсь от всех вас. Ваше искусство не зависит ни от чего, кроме вашего желания. Мое искусство другого рода. Мое искусство – искусство ученого человека, мое искусство – это лаборатория чуда, мое искусство – это труд, основанный на знаниях, умениях и сочетании предметов в точных

пропорциях с точными заклинаниями. В моей памяти сотни могущественных языков и наречий, миллиарды рецептов. Да, я не могу сам по себе что-либо сотворить. Для творения мне необходимы ингредиенты. Однако и результат моего искусства зависит только от точного расчета. Для вашего искусства не нужно ничего, кроме вашего желания. Однако, результат зависит не только от вашего желания, а и от вашего умения конкретизировать ваше желание. Сейчас вы знаете меня как искусного лекаря, не так ли? – продолжал Вениамин.

По обществу пробежал смешок, все согласно закивали.

– Стоит ли вам напоминать, почему?

Собравшиеся за столом уже хохотали вовсю, напряжение от ссоры двух товарищей сменило удовольствие от недавно проскочившей шутки.

Совершенно недавно, Богдан, славившийся своим умением материализовывать желаемое, соорудил товарищам праздничный обед.

Чего тут только не было: и румяные куриные ножки, и пучеглазая ароматная рыба, и переливающаяся перламутром икра, и дымящиеся картофелины, и любимый всеми манный мусс на ягодах земляники, и перепрелая капуста в солевой подливе. Запахи и ароматы витали с утра в общей зале, подогревая аппетит ожидавших в соседней комнате.

Все это звало и томило. Об одном только не сказал Богдан. Ему хотелось удивить приятелей разнообразием вкусов,

которые, как он знал от Вениамина, зависят от разных приправ, травочек и порошочков. Когда Вениамин рассказывал о яствах, он обязательно упоминал названия этих волшебных добавок: тмин, мускатный орех, хмели-сунели, карри, чабрец Придумать свои травы.

Богдан с легкостью мог материализовать все, что мог хорошо представить в воображении. Этим он и воспользовался, представив каждое название в виде того, с чем оно легко ассоциировалось.

Обед был подан, и все расселись по своим местам. Все было изумительно вкусно, не было никого, кто бы не похвалил повара. Однако, Вениамин остановил общий гул голосов, встав из-за стола. Лицо его было серо. Глаза смотрели подозрительно. Это произошло как раз после того, как в обеденную залу внесли чудо-десерт: мускатный орех. Мускатный орех был подан со взбитым молоком и умащен сливками, причем занимал он самое большое блюдо, которое было в доме. Можно честно сказать, мускатный орех был размером с бочку.

И в этот момент Вениамин начал сомневаться. Он приказал остановить трапезу.

Приятельки повиновались, Вениамин обладал удивительной харизмой: несмотря на свою молодость, он говорит так, что к нему прислушивались даже старшие.

В этот момент Вениамин приступил к допросу Богдана, требуя в деталях описать ему или материализовать по воз-

возможности все приправы, которые были положены в блюда для усиления вкуса.

В большинстве своем то, что добавил Богдан, не представляло опасности. Тмин, в его воображении, был просто мятым чесноком, хмели-сунели того проще был порошком хмеля, засунутым в блюдо. Сложнее было с кари, она представляла собой коричневый порошок. Вениамин долго извлекал из него суть, пытаясь понять, что стало основой и очень был удивлен, заметив, что каким-то образом Богдан синтезировал какао. А вот с чабрецом вышло нехорошо.

Все, однако, благодаря мастерству Вениамина отделались легким испугом и непродолжительной диетой.

– Так вот, – после паузы продолжил Вениамин. – С некоторых пор вы знаете меня, как искусного лекаря. Однако, смею вас заверить: спектр моих возможностей и умений гораздо шире, но все их я представлю перед вами в свое время.

Сейчас я добавлю только одно: как я очутился здесь с вами. В книгах Тайной Библиотеки явилось огненными буквами пророчество об скором исчезновении магов. Но магию можно спасти: явится древний, которого никто не видел, но все знают, что он есть. И он соберет всех, кто остался, с разными умениями и займет трон человеческий, насадив магию по городам и весям.

Тридцать ночей полетом совы я следил все земли в округе и на исходе тридцать первой ночи увидел вас. Сюда я и пришел, и с вами жду явления древнего.

– Да, – вволю отсмеявшись, отирая слезы смеха широкой ладонью, подхватил разговор Богдан. – Было дело, я вас чуть не отравил.

Его речь поддержали дружным уже открытым смехом коллеги по магическому искусству. Даже Борис немного расслабился и остыл после перепалки с Вениамином.

– Ну раз уж начали обо мне, так я добавлю, – продолжил Богдан. – Откуда мое мастерство и как оно проявилось впервые, и кто учил ему меня я не помню. Кажется, всегда так было, чего-то захочу сбывается. Я, признаюсь, долго думал, что и у всех так. И поначалу-то ничего такого я не замечал. Один случай вам расскажу, как было. Помню, девка была в деревне, красотка, что говорить, не хвастаю, но девка очень красивая была. Так вот лезет эта девка ко мне, хоть ты ее колом осиновым отгоняй. Мужики пашут, она мне хлеб несет, никого не боится. Рассердился я так на нее и в сердцах спрашиваю: «Глаша, да за что мне это! Чем это я такое мучение заслужила? А?!»

Она тогда не ответила ничего. А я припоминать начал, да вспомнил, как до этого годом раньше так мне любви Глашкиной хотелось, я все ходил да приговаривал, вот бы меня девка эта полюбила. Потом оно забылось, дела появились другие. Да девки другие стали нравиться. А оно вишь как и сбылось. А я недоволен. А ведь помню, что сам этого и хотел. Такие дела. Дальше – больше. Начал я примечать да припоминать, о чем это я когда думал и чего хотел. Раньше просто

жил как все, а теперь почувствую, что хочу чего-то, и замечаю. И стало мне вдруг ясно – ведь все, что ни захоти, все сбывается. Не сразу, но сбывается.

Тут я стал думать, как бы так устроить, чтоб сбывалось-то не через, а хотя б на следующий день. Ох тут много я чего передумал, все вам рассказывать не стану. Ни к чему это. А только вот одно вам скажу. Знаю я точно, что таким мастерством каждый в Краю обладает, не каждый понимает это. Ведь вот человек просто чего-то хочет сегодня, а завтра и забыл. А оно уже пошло сбываться. И сбудется обязательно. Это уж как пить дать, не вывернешься, что хотел – обязательно получишь. Вот много кто ходят и ворчат, как я с той Глашкой. А почему ворчат, потому что они-то просто чего-то похотели, вроде как каприз у них бабий такой вышел, а оно сбывается, а им не надо. Мучается через это весь народ. Мало кто примечает да следит за собой, чтоб лишнего не желать. А уже если что сбылось, пусть даже и не надо уже, надо всему миру спасибо сказать. Иначе будет сбываться, пока не сдохнешь. У вселенной ведь как – она ж для тебя рада-радехонька стараться, чтобы ты счастливы был. Вот бдит вселенское око, что человек Глашкиной любви захотел, и дума его одолевает, мол, если Глашка полюбит, так будет счастлив через то человек. Ну вселенная и старается во все лопатки и по ее данным, вот Глашка тебя уже полюбила, и ты счастлив должен быть, значит она твое желание из списка может вычеркивать. Смотрит она на человечка пристально.

И что ж видит она? Что он, болезный, не только не счастлив, а и мучается всю эту Глашкиной любовью. «Дурачок, – думает вселенная. – Счастья своего не понимает!» И ну ему эту Глашку и в хвост, и в гриву, и в суп, и в кашу пихать. Нет. Полюбила Глашка – миру поклонись, скажи «спасибо» да и живи тогда уж дальше. Вселенная-то невиновата, что ты ерунду пожелал.

Я ведь это свое искусство и искусством-то не считал. Точно говорю вам, это все умеют. Никто только не распознает, не думает об этом. Выходит, я не способность обрел, а просто к устройству мира приспособился. Вроде как червяк, пригрелся на навозной куче и радуюсь, а всем мимо ходят да нос воротят, – рассмеялся Богдан хорошей широкой улыбкой.

– Да как же ты искусством не считал. Кабы не считал, так сюда и не пришел бы! – подметил Борис. – Однако ж ты здесь, с нами. Значит ценишь свое мастерство и пытаешься его уберечь.

– Так-то оно так, да по-другому все совсем, – лукаво сощурился в ответ Богдан. – Вот ты, Борис, первый тут был. Так опять же никто не знает, зачем ты сюда явился и поселение тут организовал. А как ты явился да поселение организовал, так и стал сюда магов притягивать. Вишь, и Матильда сюда прилетела не пойми как, и Миролюб за книгой пришел. А оно ведь все так в мире и работает. Я вот хотел на настоящих магов посмотреть, а ты хотел магов собрать. Вот оно и сбылось. А я сюда так и пришел, ногами. Захотел и пошел

куда глядят, а набрел вот на вас.

– И правильно сделал, Богдан, – хлопнул его по спине Ярослав. – Ты человек больно солнечный, мне с тобой не только говорить, а и просто смотреть, как ты с утра уже по дому дела ворочаешь, в охотку.

– Да уж вы, известное дело, всегда дружны с самой первой встречи. Какую работу Богдан затеет, Ярушка завсегда ему на помощь спешит. А если помощь ненадобна, так рядом свою работу надумает, – рассмеялся Борис.

Богдан и Ярослав больше походили на гномов, чем на людей, роста, правда, были людского. Но оба были коренасты, оба росли вширь, а не в высоту, у каждого в глазах играла хитринка. Оба были крайне прижимисты и не скоры на решения.

Над Богданом часто подтрунивали из-за его такой явной хозяйственности, все, что найдет, себе тащит, как сорока. Уж, кажется, и все-то он материализовать может для себя, на годы вперед, кроме вечной жизни, а запасов делает столько, будто жить собирается до скончания мира и во время большого голода. Ярослав всегда держал сторону Богдана. Вот и сейчас подхватил речь товарища:

– А за Богданом и я подтянулся. Все меня знают из вас. Да и искусство мое напоказ: зовут меня Ярослав, что значит солнцу слуга, а сам я рыжий да конопатый, солнцем меченый. Дело мое – нехитрое: где вижу раздор туда с добром и суюсь, тепло распространяю, чтобы ссорам не бывать. За-

мыслы плохие чувствую, так смягчаю. Где кто против кого замыслит недоброе, я тут как тут.

– А можешь ли ты, Ярушка, сказать, где именно и кто именно и против кого зло замышляет? – встрепенулся Вениамин.

– Вот этого, врать не буду, не могу. Кто плохой, кто хороший – этого я не ведаю. Одно скажу: где зло большее, туда меня и влечет.

– Так-так-так, – задумчиво проговорил Вениамин. – Стало быть, ты у нас точно не как все, не случайно ты у нас оказался, притянуло тебя сюда, так, Ярушка?

– Так, Веня. Что тут – мне неизвестно, одно знаю – гибель тут может случиться, да такая гибель, о которой в книгах седые старики пишут и потомкам из рода в род годами передают.

Общество притихло. Какая-то неожиданная и явная теперь угроза нависла над ними. До этого разговора все их собрание казалось милым походом, встречей друзей.

Конечно, каждый понимал, что пришел сюда или оказался здесь для дела. Все знали, что они – остатки, последние крохи магического проявления в Краю, и им должно сберечь то, что каленым железом выжигалось. Однако, все это мыслилось далеким и интересным приключением.

А вот сейчас угроза встала близко, совсем рядом, каждый чувствовал, как дрожат волоски на затылке, как будто от дыхания придвигающегося неясного и нежеланного гостя.

Первым оправился Вениамин, понимая насколько опасно медлить и дальше и радуясь, что нашел неожиданно такой неожиданно важный талант в лице Ярослава, он прервал молчание:

– Скажи, Ярослав, а что помимо того, что ты оказываешься рядом с местами проявления зла, что еще, как бы это сказать, какие приметы что ли у твоего таланта?

– Да особых примет я не замечал, – задумчиво ответил Борис. – Другое дело, что хлопот с талантом этим много.

– Ты уж все рассказывай, Ярушка, – отозвался Богдан. – Вениамин – человек большого ума, он разберется, ты ему всякую мелочь расскажи, прямо вот как родной матери, он разберется сам, что лишнее, а что пригодится.

Вениамин одобрительно кивнул.

Ярослав оглядел приятелей, те смотрели на него со всем вниманием, как будто видели его в первый раз и до сих пор ничего о нем не знали.

– Да нет примет особых, – повторил Ярослав. – Хлопоты одни. Я все расскажу, без утайки – дело это нехитрое. Только одно – неудобно, потому что я вроде как жаловаться сейчас буду на людей. А это не так.

– Да знаем мы, что ты мужик, а не ябеда, знаем, говори уже! – торопил Богдан.

– Ну, смотрите, уговор есть уговор. Кто меня ябедой назовет, кто скажет, что я жалуюсь на тяжесть от искусства, тот мне не друг.

– Много текста, очень, – прошипела Матильда.

– А ты что, девочка, нервничать так нельзя, со старшими надо быть вежливой, – осадил ее Миролюб.

– Да знаю я уже, все я поняла, что он скажет! – взорвалась Матильда. – Все уже понятно. Сейчас он вам расскажет, что пришел сюда, потому что я – тьма, меня будет нейтрализовывать. Вы вроде все молодцы, а меня в расход!

– погоди, Матильда, – ответил Миролюб. – Врагов ты себе всегда с легкостью найдешь, точнее, они сами тебя найдут. Это дело такое, никто их не зовет врагов этих, зло само приходит всегда. Так что не спеши добавлять себе горя. Никто тебя ни в чем еще не обвинил. А Ярослава не перебивай.

Матильда насупилась и часто задышала носом, в повисшей тишине после перепалки ее возмущенное дыхание было так явно, что Ярослав не удержался:

– Девка, не дыши ты так часто, сдуешь нас всех!

Маги разразились хохотом, включая саму Матильду.

– Вениамин, – неожиданно серьезно сказал Борис. – Думаю, ваш разговор можно отложить на потом. А сейчас настало как раз то самое время, когда мы сможем узнать то, ради чего вообще затеяли весь этот разговор сегодня.

– Точно! Книга!

– Да, что дальше в книге? Теперь мы можем это узнать!

Борис открыл книгу, и все застыли в ожидании. Ярким светом полыхнула в избе молния, на секунду ослепив смотрящих, и через некоторое время повисла над столом черная

дымовая надпись: «Восьмой – убийца!» Пока присутствующие терли глаза, стараясь внимательнее разглядеть надпись, она испарялась, двигаясь к стенам, куда, прилипнув серым расплзающимся мхом, потом стекала кровью на пол, заливая трещины и щели в избе, пока всю комнату не заполонил красный свет.

Через минуту после наваждения заговорил Вениамин:

– Да! Интересно, но ведь нас семеро, друзья мои! У меня хорошие новости! Нас семеро!

По зале пронесся дружный выдох облегчения, общество заерзало на стульях и начало перешептываться друг с другом, подбадривая соседей и радуясь, что пророчество оказалось не таким уж и страшным.

В этот момент в дверь забарабанили.

Маги стихли и уставились на входную дверь.

Кто-то колотил в нее.

– А вот и восьмой, – нервно хихикнула Матильда.

– Сжечь ведьму, – тихо повторяла королева, прохаживаясь туда и обратно по кабинету. – Кого же они имели ввиду?

Этот вопрос не давал ей покоя второй день подряд. Евтельмина была измучена, ее некрасивое лицо, напрочь обезображенное теперь еще и бессонными ночами, пугало ее сама, отражаясь в дворцовых зеркалах.

В конце концов до похорон старой няньки оставался день. Всего лишь день и, как надеялась королева, одновременно с

тем, как на гроб ее будет пястка за пясткой, лопата за лопатой ссыпаться черная земля, память тех, кто кричал «сжечь ведьму!» будет затягивать частичка за частичкой, участок за участком серая пелена забвения.

Королева, на самом деле, боялась, что однажды, будучи неосторожной в поисках магов, смогла пробудить, сама того не желая, к жизни проклятие, которым запечатан был высочайший указ об истреблении магов.

Судорожно перебирая в памяти все встречи, пролетевшие за несколько лет, королева внутренним взором старательно вглядывалась во все образы, пытаясь отыскать в них что-то, что сама еще не понимала ясно, но это что-то чувствовалось, оно было рядом, стоило только протянуть руку. Однако, каждый раз, когда королеве казалось, что она уже почти ухвати-лось за это что-то, все тут же исчезало, как исчезает, расходясь кругами, отражение на воде, едва до него коснешься.

Королева старательно раз за разом снова и снова перебирала все встречи, чувствуя, что где-то там среди них есть маг. Она вспоминала серые умоляющие глаза молочницы, арестованной по доносу ее мужа, уличившего ее в измене. Ясно вставал перед глазами образ лысого сморщенного деда, свернувшегося как в детстве калачиком, от которого избавились внуки, которым негде было селиться в то время, как дед держал и собственные покои, и мельницу.

Зеленоглазая девчушка, виноватая в том, что у матери ее не доставало денег на прокорм, зато доставало чести не сде-

лать дочь дорожной девкой. Она даже не плакала, она просто упала, как будто провалилась в яму на бегу.

Все это были самые обычные лица, лишённые магии напроць. Это были просто самые несчастные человеческие тела, которых не берегло ничто на этом свете. Евтельмина догадывалась, что убить мага и найти его не так-то просто, хочет того маг или нет, какая-то сила всегда старается и сколько может уберёгает от бед. А эти, ну, что в самом деле в них магического? Ничего, кроме удивительного безразличия к ним их собственной судьбы.

Но что-то там все-таки было, где-то среди множества несчастных затерялся самый несчастный маг в мире. То, что произошло во дворце по смерти старухи явно доказывало это. Где-то, желая того и не ведая, что сделала это, королева все-таки нарушила указ и расплата последовала незамедлительно.

– Сжечь ведьму! Кто? Кто она? Кто эта самая ведьма? – схватившись за лицо и сильно надавив на глаза, чтобы загасить собственные рыдания, исступленно повторяла королева.

Измученные, окровавленные лица, истощенные тела, женщины, мужчины, старики, дети, все они мелькали пестрой вереницей умоляющих глаз. «За что? За что?» – спрашивала королева пустоту. – «За что? Почему, избегая магии, которой боимся, как зла, мы совершаем столько зла, мы причиняем столько горя, для чего в нашем королевстве с этой

охотой на магов истребляют людей, глупые! глупые людишки! Не понимают, что однажды эта волна наберется силой и хлынет потоком горя на все, сметая всех на своем пути, виновных и невиновных! Все-все утонут в крови и горе!»

Королева иступленно шептала проклятия и предсказания, но вдруг взгляд ее застыл. Перед ее лицом был тот самый образ, который она искала, образ мага. Видела она его настолько ясно и четко, что казалось удивительным, как раньше она могла его не замечать.

Перед ее лицом было хоть и заплаканное, с покрасневшимся носом и расплывшимися губами, лицо, смешно вывернутое отражением на серебряной крышечке графина.

Несколько секунд Евтельмина любовалась увиденным, силясь вспомнить, где же она видела этот прекрасный высокий лоб, полные спокойствия и неги глаза...

– Не может быть, – скороговоркой проговорила королева и упала, лишившись чувств.

Иннокентий открыл глаза. Его мутило. Картина мира расплывалась, сфокусироваться на ней было невероятно сложно. В ушах звенело, в желудке выло, в горле першило. Если бы Иннокентий хоть раз в жизни пробовал яблочную, он бы решил, что вчера чересчур ею увлекся. Но Иннокентий не знал, как коварна бывает настойка, а потому и сравнить свое состояние ни с чем не мог.

– Устал, касатик? – раздался рядом ласковый голос. – По-

терпи еще немного.

Иннокентий повернулся на звук и увидел старую морщинистую старуху.

«А это, наверное, лесная колдунья!» – попробовал угадать юноша.

– Ой как вы надоели. То дяденька, то колдунья, каждый раз одно и то же. Ну, откуда вы взяли, что я колдунья?

– Так вот, бабушка, прости, но ты ж вылитая колдунья. Я на тебя смотрю, отвернуться хочется, значит она и есть. Если б ты была добрый маг, ты бы вся такая в белом ходила и чудеса без устали стряпала. Одной бы рукой махнула – у меня бы голова прошла, другой – меня бы напоила. А раз я тебя вижу и все у меня болит, ничего не проходит, значит – что?

– Что? – передразнила его старуха.

– Ну что значит, бабушка? Сама-то неужели не понимаешь?

– Отчего ж, милый, понимаю. Дурак ты, клеймо на тебе ставить негде. Дурак и есть, – обиделась старуха.

– Нет, ты неправильно поняла, это значит, что ты колдунья. Как это может быть, – изумлялся Иннокентий. – Ты выглядишь, как гриб сморчок, а я дурак? Нет, вот ведь женщины, ничего не понимают.

Что-то попало в глаз Иннокентия. Потом еще и еще раз.

Старуха стояла, уперев руки в боки, и радостно плевалась в молодого человека. Раз за разом метко попадала ему в лицо

и даже притоптывала ногой от восторга.

– Бабушка, ты чего? – удивился Иннокентий.

Бабка молчала. Молчала и плевалась.

Иннокентий решил, что нужно бежать.

Ноги не слушались, заплетаясь и путаясь при каждом шаге, больше всего он пытался не упасть, шагая большими шагами, низко наклонившись к земле. Мелкий ивняк хлестал по щекам. Но смех старухи замолкал и отдалялся, от этого становилось легче. Иннокентий, совершенно обессилевший, рухнул на землю ничком. Отлежавшись, повернулся на спину и открыл глаза. Сверху на него смотрели злые горящие глаза плюющей бабушки.

– Ты так совсем выдохнешься, милый, – покачала она головой, притворно сожалея ему.

Иннокентий застонал.

– А теперь говорить буду я, ты будешь молчать и слушать.

Иннокентий кивнул.

– Ты был совсем малыш, когда тебя забрали у матери. Твой отец, черный колдун, перед тем, как отдать тебя тем людям, что вырастили моего внука, запечатал твой дар на несколько ближайших лет, предчувствуя беды. Мать твою, которую ты помнишь тоже была колдуньей, псы королевы прознали о ее колдовстве и привезли к корчмарю. Ей, можно сказать, повезло. Тем корчмарем был твой дед, мой черноглазый Будияр. Он тайно сберегал магию в Краю, но, что скрывать, простых людей пускал в расход, отчет-то ему тоже

надо было перед королевой держать. Погоди-ка, родной, ты продрог весь. Дай-ка я палок в костерок насую, горяченького попьем и там продолжим.

Иннокентий действительно дрожал частой дрожью, временами от холода и любопытства казалось, будто неведомая сила подбрасывала его вверх.

Старушка замельтешила по полянке, которая приютила их среди болот, и вскоре взметнулся вверх совсем не детский, а весьма уверенный костер, находиться рядом с которым было удивительно приятно. Он не обжигал, как это бывает обычно. Хотелось придвинуться к нему ближе. И спина не мерзла, находясь в тени от огня. Он согревал все тело, а не только повернутую к нему сторону. Скоро в невесть откуда-то взявшемся серебряном чайничке зашипела ароматная жидкость.

Старушка села рядом с Иннокентием, обняла его, как маленького, и стала из ложечки поить своим колдовским зельем. Нельзя сказать, чтобы снадобье было вкусным или невкусным, но такое приятное тепло растекалось по всем закоулкам тела от него, и тепло это будило в памяти самые приятные моменты жизни.

Иннокентий как будто и захмелел от добра, тепла и ласки. Захорошело на душе от того, что вот он нашел свою семью, и рядом с ним его бабка. Долго он скитался с Казимиром, давно манила его жизнь, полная странствий и приключений, а вот тут, под бабьим подолом, раскис он и размяк. И никуда

ему больше не хотелось. Хотелось только слушать старухины сказки.

– Спи, милый. Силы восстанови. Я тебе все попозже доскажу.

Засыпая, Иннокентий увидел только черные крылья совы, распластанные над ним, утыканные частыми звездами.

Казимир кряхтя прошлепал по узкому темному коридору и толкнул железную дверь перед собой.

Она со скрипом поддалась его натиску, пропустив в широкую душную комнату. Остановившись и переждав немного, когда перестанет кружиться голова от сладкого запаха крови, ударившего в нос, старик прислушался и тихим голосом позвал:

– Иннокентий! Кеша! Эй!

В углу в темноте что-то заерзало и Казимир медленно и бесшумно заскользил на звук. Однако, звук переместился и слышался уже позади.

– Тьфу ты, крысы! Иннокентий! – громче позвал Казимир.

– С.ка, сам ты крыса! – отозвались в углу.

Казимир задумался, пригнулся и на всякий случай прикрыл засаднивший снова затылок рукой.

– Ты не Иннокентий, – сказал он уверенно через несколько минут.

– Логично, – процедил сквозь зубы его собеседник.

– А Иннокентий где?

– Сам-то догадаешься?

– Не ссы, малец, я тебя выведу отсюда, только Иннокентия найду.

– Ты совсем, Казимир? Ты его отсюда каждые три дня выводить будешь? У тебя какое-то специальное задание теперь? Ты скажи, я пойму, не дурак ведь. Давай хоть каждый день его отсюда выводить, можешь даже бабу мою с баяном под это дело подрядить. Ты выводишь, она на баяне жарит, я, так и быть, в бубен постучу.

– Георгий?! Ты?! – растерянно спросил Казимир.

– Пока болтаю, значит я, а не труп мой холодный, – съязвил корчмарь. – Но если меня так и дальше каждый по башке тюкать будет, то мне тут с вами недолго осталось.

– Дела-а, – протянул Казимир.

– Развязывай, придурок, потом каркать будешь, – скомандовал его приятель. – Ты мне еще за стёкла выбитые ответишь, гад.

– Слушай, а стекла и правда побил? – больше и больше удивлялся Казимир. – Я-то думал, что сон мне приснился, будто я их камнем сносил. Дела-а.

– Ты сюда «делакать» пришел?

– Не-не, я по делу, только сам не помню, по какому. Я, вроде, мальчика вызволить хотел, а вроде и злой на него, почему только, не помню. Георгий, ты меня прости за стекла, неудобно вышло-то как, – растерянно лепетал Казимир. – Ведь как так вышло-то, мы ж с тобой стекла вместе стави-

ли, я сам их и прилаживал, да всегда любовался, когда мимо проходил. Ты уж меня прости, что-то неладное со мной было, что-нибудь съел да выпил не то, прости, друг. Пойду я, Георгий.

И Казимир спешно зашлепал наверх к двери, ведущей из погреба в гостиные.

– Ка-зи-миррр! – гневным визгом разразился из своего угла корчмарь. – Развяжи меня, сволочь!

– А кто ж тебя связал-то? Это ж твой подвал ведь, Георгий. Дела-а

– Я убью тебя сейчас, сволочь, только развяжи!

Через несколько минут возни в темноте подвала и взаимной ругани, приятели сидели на верху в корчме, прихлебывая горячие щи. Оба были изрядно побиты и помяты, оба были не выспавшимися, грязными и вонючими. Но оба уже вовсю хохотали, рассказывая друг другу истории последних дней.

– Погоди, значит после того, как я выбил тебе стекла, я еще и улепетывал от тебя, как мальчишка, – смеялся Казимир, поражаясь собственной прыти.

– Да, бежал так, только пятки сверкали, я сзади еле поспевал, а потом – за корягу и полетел ты. Я за грудки хватаю, за что, говорю, ты стекла-то бил, придурок, а ты лежишь улыбаешься. По щекам слезы текут, мамку зовешь, жалобно так, я тебя пнул с досады да по своим делам пошел. Нет, сначала пытался тащить за собой. Страшновато как-то было, не по

себе, лежит мужик с бородой, плачет. Так за руку тебя рванул да потащил, только у тебя рука хрустнула...

– Я, видать, башкой сильно треснулся тогда, – заключил Казимир. – До сих пор затылок саднит.

– Э-э нет, приятель, затылок у тебя не от того болит. Затылок это я тебе выровнял. Ты ж мало того, что стекла побил. Ты потом сюда пришел в подвал дверь ломать. Освободитель чертов. Ты ж людей из подвала пришел освобождать. Как тать прокрался. Хорошо, что я в подвале на тот момент оказался. Смотрю: дела чудные творятся. Ходит этак Казимир по погребу впотьмах, да не просто ноги ставит, а кабыть с доски на доску или с камня на камень перепрыгивает. Перепрыгнет и оглядывается. «Ну, дела-а...» – думаю. А сам в оба смотрю. А ты скачешь, скачешь, а потом замер да как ляпнешь: «– Ну раз ничего, так и бояться нечего. Что это я вдруг? Когда насколько глаз хватает, кроме меня никого нет, кого ж мне бояться-то?» Я это очень хорошо запомнил, мне как-то не по себе в тот момент стало. Чегой-то никого нет. А я, а маги рядом, которых ты освободить-то прискакал, король лягушачий? Подошел я тихонько и тукнул тебя. Не со зла. Просто, чтоб ты отдохнул.

Казимир напряженно слушал рассказ корчмаря, что-то время от времени вспоминалось ему. Корчмарь рассказывал, как приятель его ходил по подвалу, а старик вспоминал, что был уверен в тот момент, будто пробирается он по болотам.

– А потом?

– А что потом, на воздух потом, отволок в колодец. Думаю, отоспишься, придешь, поговорим.

– Так ты-то почему оказался привязан в углу, и где все те, которых я пришел отпустить? Неужели освободил?

– А вот тут я сам понять не могу, что случилось, – признался корчмарь.

– Дела-а, – проямлил Казимир.

Дверь в корчму отворилась и на пороге показалась белокурая девушка. Непривычно было видеть столь юных барышень, путешествующих в одиночку, однако ж, корчмарь привычно предложил ей занять место за соседним столом, не выказывая беспокойства по поводу ее появления.

– Чего изволите?

– Воды! – она подняла на него свои огромные серые глаза и тут же отвернулась, уткнувшись в капюшон дорожного плаща.

– Ну а что, кроме воды?

– А нужно что-то еще? – растерянно спросила гостя.

– Ну, конечно, нужно. Если вы не хотите вызвать внимание и подозрения со стороны окружающих, – корчмарь раскусил молодую особу вмиг, понимая, что больше всего она хотела бы остаться незаметной, а значит он мог рекомендовать ей сотни своих самых дорогих блюд, которые она обязательно закажет и оплатит, лишь бы не выделяться из толпы.

Если бы девушка не была так юна и напугана, она бы ве-

роятно просто осмотрелась по сторонам, чтобы оценить тех самых окружающих, ради которых она готова была заказать годовую норму едока. В этом случае она бы увидела, что в корчме кроме нее, корчмаря и еще одного седого мужчины никого нет.

Но ни юность, ни испуг не позволили ей этого сделать.

– Так что? Щей с грибами, каплуна, конечно же, баранью лопатку непременно тоже стоит подать, – завладел ситуацией корчмарь. – Лопатку мятой обложить? Для свежести дыхания?

– Пожалуйста, просто принесите все это мне, не спрашивая! – взмолилась девушка.

Корчмарь, удовлетворенный возможностью собрать перекус на свое усмотрение, щелкнул пальцами и развернулся.

– И воды! – выкрикнула девушка. – Воды, пожалуйста.

– Сию минуту, сударыня.

На дворе послышался залиvistый лай нескольких собак и веселая ругань мужских голосов.

Девушка за столом побелела и дернулась выходу. Однако в тот же момент дверь распахнулась, и в нее с шумом и хохотом стали просачиваться королевские стражи.

Казимир, видевший все это, быстро вскочил со своего места и перекрыл путь военным.

– Закрыто, судари мои, – мягко улыбнулся он им.

– Да что ж такое! – воскликнул королевский сержант и развернулся в обратном направлении.

Он поднял руку, давая знак своим сослуживцам, чтобы они возвращались.

Военные с тем же веселым гомоном удалились. Понемногу стихли их голоса за окном и лай собачьей своры.

– Черт знает что, проходной двор устроили, не так ли, сударыня? – подсел Казимир к барышне.

Девушка подняла на него полные слез глаза, в них было столько благодарности и преданности к старому Казимиру, что тот невольно и сам почувствовал, что в горле его першит.

– Я не вправе спрашивать вас, что случилось...

– Нет-нет, благодарю вас, вы спасли мне жизнь! – быстро прошептала юная собеседница. – Я все-все вам расскажу. Вы праве знать обо всем.

«Какая пошлость», – думал корчмарь, из-за стойки наблюдая, как старый черт охмуряет юное создание.

– Знаете ли вы, сударь, о том, что в Краю преследуют магов?

Казимир уверенно кивнул: ему ли не знать?

– Эти мерзкие, жалкие ублюдки, прозванные в народе псами, гоняются за людьми, в Краю по их милости и протекции организованы бойни, на которых, увы, изводят людей. Но знайте, сударь, скоро царству их придет конец! Да-да!

Казимир не сдержался, усмешка поползла по его лицу. Но девушка не замечала этого, она была увлечена своим рассказом и не видела, что творится вокруг.

– Удачный день сегодня. Как зовут тебя, дитя мое? – почти

с отеческой нежностью выговорил Казимир.

– Лея, сударь. А вас?

– А меня зовут Казимир, и мне очень, очень интересен твой рассказ! Ты даже себе не представляешь, кому ты его рассказываешь. Поверь, нас свела сама судьба!

Лея довольно улыбнулась. Наконец-то она была не одна. О горестях и страхах можно было забыть и двигаться дальше быстрее, ведь с таким сильным и уверенным напарником многие беды, с которыми она сталкивалась раньше, покажутся жалкими и мелкими неудобствами, вроде мозоли на мизинце.

Казимир смотрел на Лею с каким-то животным обожанием, так смотрит цирковой медведь на своего хозяина, обливаясь и не смея приступить к трапезе немедленно.

– Ну так слушайте, – задыхаясь от волнения, выпалила скороговоркой Лея, заговорщически пригнувшись над столом. – Слушайте. Я вижу, вы хороший человек и не одобряете того, что происходит. Говоря начистоту, совсем недавно я просто жила и ни о чем таком не думала. До тех пор, пока моего жениха не украли королевские псы. Но обо всем по порядку.

Казимир не столько слушал девушку, сколько наслаждался своей удачной находкой. Больше же он думал о том, как станет подтрунивать над Георгием, которому, чтобы что-то узнать, нужно мучать людей в застенках. А он, Казимир, раз и все узнал.

Корчмарь тем временем внимательнее и внимательнее вглядывался в собеседников за столом. Чутье его редко подводило. Доверившись ему, корчмарь неприметно заложил входную дверь на тяжелый засов.

– Так вот, у меня был жених. Мы собирались играть свадьбу. Однако матушка его хотела усладить моего суженого в ополчение для защиты Края. У него меч был. Ни у кого не было, а у моего Иннокентия – был. Это все Настаська, я уверена, вот с места не сойти. Она давно на моего Кешу глаз положила, она на него и натравила псов.

Казимир нахмурился. Он уже был знаком с одним Иннокентием, в невестах которого числилась Лея. И что-то это знакомство ничего хорошего не принесло ему, кроме разбитого затылка и исчезновения из памяти пусть небольшого, но все же куска его жизни. Казимир заерзал, пытаясь отгородиться от неприятных дум, сменивших радостное предвкушение от поимки ведьмы.

Лея заметила его движение:

– Вот-вот, я так же, как и вы, ненавижу этих псов. Вы так заерзали, я тоже о них говорить не могу без того, чтобы или не плюнуть, или не разразиться грязными ругательствами! – вдохновленная вниманием старика, Лея не на шутку расхрабрилась, и сама уже понимала, что несет чушь, но и остановиться не могла. – Так вот, я вам скажу, встречу этих псов, мимо просто так не пройду, обязательно или плюну в них или что-нибудь такое им скажу, что на всю жизнь про-

клятвом станет для этих подлых тварей.

Лицо Казимира при этих словах вытянулось, глаза округлились. Как будто маленький мышонок сидел перед носом толстого кота и грозился навалить ему тумачков. Это было так смешно, что старик не выдержал и разразился заразительным смехом.

Лея рассмеялась вместе с ним.

– Дочка, – отсмеявшись, сказал Казимир. – Знавал я одного парнишку, такой же был. Сильно ты мне его напоминаешь. Такой же задира.

Лея вспыхнула и залилась краской, решив, что ее храбрость похвалили, и с еще большим жаром и увлечением продолжила свою историю:

– Так вот, Настаська та за моим Кешей глядела. Да только он в ее сторону даже не смотрел. Я уже и с мамой его подолы вышивала, и работу по дому ей помогала делать. Не до Настаськи этой. Так вот она, подлая тварь, псам королевским Иннокентия и сдала. Только она не знала, что Кеша мой, – Лея стала говорить совсем тихо, и чем тише становился ее голос, тем шире казались глаза. – Так вот, мой Кеша из старинного рода магов.

Девушка сделала паузу и выжидающе посмотрела на Казимира. Поняв, чего ожидает она от него, старик спохватился, присвистнул и протянул:

– Да ну-у-у...

– Да-а! – И Лея набрала в грудь побольше воздуха, что-

бы его хватило до конца фразы, которую она собиралась сказать. – Этого Настаська не знала, и я этого не знала, и никто об этом не знал! Да только прихожу я однажды к матушке его, а она плачет, прям горько так, жалко ее. Я ей то да се, Марьянушка, мол, давай подмету или за водицей сбегая. Тут-то она мне все и рассказала. Иннокентий мой из старинного рода магов и рожден он был в королевском дворце, а Марьяна ему и не мать вовсе, она просто Кешу прятала, пока во дворце магов гоняли. Мать его настоящую и отца убили там. Так его бабка в тряпках из дворца привезла. И строго-настрого Марьяне приказали беречь как себя. Марьяна и берегла. Пока Наська, чувырла, не наговорила псам на него. Она-то от ревности приврала, а оказалось вон что. Ты только, дядя, теперь язык за зубами держи. И никому об том не рассказывай, что узнал. Я и сама никому, только Настаське рассказала, пусть знает, кого сдала, вернется Кеша, ее дуру проклянет. Ну и бабке в крайнем доме, чтобы не лезла меня поучать все время. А больше никому, ни-ни!

– А здесь-то ты как оказалась? До твоей деревни отсюда двести верст.

– Ой, дядь, я уже и во дворце побывала, и обратно уже иду!

– А во дворце-то ты что делала?

– Бабку Кешину нашла, передала ей весточку от Марьяны, что внука ее поймали псы.

– Кто ж тебя одну в такую даль-то отпустил?

– Никто, дяденька, я сама! Погоди-ка, дяденька... – задумчиво протянула Лея. – Что-то я тебя не припомню. Не видала я таких в моей деревне, не оттуда ты...

– Не оттуда, дочка, местный я...

– Откуда ж ты знаешь, сколько верст до моей деревни? – Лея смотрела на Казимира немигающим взглядом. Казалось, она застыла наподобие каменного изваяния.

Корчмарь почувствовал неладное, и, в который раз, похвалил себя, что доверился собственному чутью: судя по всему, оно его не подвело и в этот раз.

Казимир развел руки пошире, блокируя девушке любое движение в сторону. Но она, кажется, и не собиралась убежать. Она просто смотрела на собеседника неподвижным взглядом и часто-часто дышала.

Казимир сидел перед ней не двигаясь, с широко расставленными руками, плотоядно улыбаясь, как вдруг она неожиданно пнула его ногой под столом.

Попадание было точным, потому что в следующую минуту руки старика сжались в плотное кольцо на промежности.

Корчмарь, издалека наблюдавший сцену диалога, не смог понять, что именно произошло. Со стороны он только заметил, что его приятель низко нагнулся над столом, как бы изображая что-то, на что Лея смотрела с нескрываемым отвращением.

– Эть, старый черт!

Лея резко метнулась в сторону разбитого окна, в надежде

добежать до него. Однако Казимир со всей силой навалился на тяжелый деревянный стол и придвинул девушку вплотную к стене.

– Георгий! – позвал Казимир.

Корчмарь не замедлил явиться на зов.

– Неси-ка, брат, скорее ужин, барышня проголодалась!

– Что-то еще? – удивился его приятель и даже подмигнул старику, намекая, что он все понимает.

– Да! И еще, – усмехнулся старик. – Принеси нам вина!

Евтельмина очнулась на высоких подушках собственной постели. Рядом никого не было. Все прожитое показалось каким-то удивительным сном. Но стонущий локоть говорил о том, что все же какая-то часть была правдой.

Королева постаралась снова уснуть. Если бы она сейчас поднялась, ей пришлось бы решать новые возникшие за несколько дней странные вопросы. А этого не хотелось. Самым простым выходом был сон. Она накрылась одеялом с головой и принялась считать до ста.

В животе было неприятное чувство нарастающей тревоги. Мысли убегали куда-то в будущее, в голове метался вопрос: что же теперь делать, с чего начать.

Ситуация случилась невиданная до сих пор и спросить совета по решению ее было не у кого. Да и не только не у кого, а и вообще говорить о ней было опасно.

Кровь прилила к лицу, королева перевернулась на другой

бок и начала считать снова.

Она ненавидела себя и жалела, лицо, отраженное на серебре, было ее собственным лицом. Непонятно как, но именно она и была магом в королевстве, где на магию наложен строжайший запрет. Один неверный шаг и ее сожгут. Непонятно, что именно остановило толпу в обеденной зале, но не было никакой гарантии, что этот фокус удастся проделать еще раз.

Как сдерживать свое магическое проявление, чтобы не возбудить гнев людей, тоже было непонятно. Никаких трактатов о развитии удивительных сил не осталось, все они были сожжены или растащены по подвалам охотников за изумрудами и рубинами, так как каждый фолиант был богато усыпан драгоценными камнями.

То, что Евтельмина так ждала, так жадно искала в этом полусгнившем, полужаспанном королевстве, она наконец-то нашла. Сколько раз представляла себе, как это будет, воображая собственную радость от встречи с магическим. И вот оно, оно наступило это будущее, которое она так звала и ждала.

– Хоть бы никогда не просыпаться, – стонала королева. – Как было бы хорошо, если бы человек мог временно умереть. Ну вот, к примеру, мор пришел в Край, и есть стало нечего, хлоп – и умер человек. Лет через двадцать ожил, повертел головой вокруг, посмотрел, как дела и снова хлоп или не хлоп.

Королева ни за что не хотела подыматься с постели, предпочитая лежать и размазывать обиду за несправедливость на все вокруг, на весь этот несовершенный мир.

Через некоторое время она тоскливо посмотрела на окно, несколько секунд воображая себе, как распластанный холодный труп ее с вывернутыми ногами и руками лежит на мостовой у замка...

– Бррр... – передернула Евтельмина плечами и решила наряжаться к ужину.

Усевшись удобнее перед зеркалом, королева позвонила в колокольчик, и тут же ее спальню заполонила щебечущая прислуга.

Евтельмина внимательно вслушивалась в разговоры девушек, не скажут ли они что-то, что может прояснить ситуацию. Однако, все было привычно, так же ругали за важность церемониймейстера, так же восхищались оркестрантами и все так же обсуждали первую и вторую перемены блюд.

На душе королевы стало легче, и она даже слегка повеселела. В конце концов, мало ли что бывает в стенах королевства, показалось, и не такое бывает. Евтельмина направилась к выходу в совершенно бодром расположении духа и даже с разыгравшимся аппетитом.

Что-то мешало в туфле, королева оперлась о стену и постаралась притянуть правую ногу к себе. Это было не так-то просто: кринолинная юбка почти не позволяла согнуться. Немного приблизившись к туфле, вытянув руки, насколько

это было возможно, и задрав правую ногу, Евтельмина пыталась расшнуровать туфельку.

Она почти дотянулась до кончика шнурка, и тут широкий круглый подол платья вывернулся наружу, затянув королеву в плотное кольцо, наподобие того, как чашечка цветка схватывает зазевавшуюся пчелу.

Звать кого-нибудь на помощь в таком положении было неуместно и стыдно. Немолодая королева в нарядных панталонах под задранном кринолином смотрелась бы крайне нелепо для прислуги.

Королева слегка подпрыгнула, нажимая изнутри на юбку, иногда это помогало. Она представила, как выглядит со стороны и засмеялась, это было нелепо. И Евтельмина повторила легкий прыжок еще и еще раз. Однако юбка не поддавалась. Евтельмина начинала злиться. Теперь она прыгала выше и уверенней. Легкий смешок сменился злобным рычанием и одышкой.

Королева разбежалась и ударила кринолин о ночной столик:

– Вот тебе, мерзкая юбка! Вот тебе!

Юбка не отреагировала. Ничего не оставалось делать, кроме как позвать девушек:

– Эй там! – крикнула королева, стараясь сделать это тоном наиболее пренебрежительным. – Подите сюда, кто-нибудь. Кто-нибудь одна!

На зов тут же вбежала девушка. И быстро затараторила:

– Моя королева! Нашли ли вы то, что я сунула в вашу туфельку. Ах, ну что же я спрашиваю, конечно же нашли. Что вы велите передать. Какие могут быть у вас распоряжения?

«Убью», – подумала королева, но воспитание позволило вслух произнести только:

– Отчего же, милая, ты сунула записку в туфлю? Почему же нельзя было передать мне её лично?

– Ну даже не знаю. Мне казалось вам так будет удобнее прочесть...

«Точно убью,» – окончательно решила Евтельмина.

– Милая, помоги мне разогнуть юбку, а после мы поговорим о записке.

– Но дорогая королева, ведь это никак нельзя отложить, я прошла к вам столько верст, прячась от псов, рыскающих по дорогам, спасаясь от разбойников на дорогах...

– Юбку! – взвизгнула королева.

Через мгновение она услышала рыдания и удаляющиеся шаги...

Наконец избавившись от зажавшего ее наряда, королева кинулась расшнуровывать туфли. Найдя записку, которая намяла ей пятку до мозоли, она судорожно кинулась разворачивать ее.

«Он тот, кого вы так долго искали, Ваше Величество».

– Догнать! Догнать девушку! – выкрикнула королева.

В эту ночь во дворце не сомкнули глаз. Вся королевская стража по объявлению о поиске неоднократно выстраива-

лась кольцо во внутреннем дворе, вытягивалась во фронт, красиво и ритмично приветствовала высшее начальство, в общем, выполняла все те обряды, которые могут демонстрировать служивые люди, пока не понятно, чем им предстоит заняться.

Наконец, гвардейцам были озвучены приметы, и армейские отряды рассыпались по дорогам Края.

– Но как, я не понимаю, как я оказался здесь и ты оказалась здесь. Я просто вообще больше ничего не понимаю, – Иннокентий явно злился.

Старуха терпеливо начала снова:

– Поймешь ты или нет, это не так важно. Единственное, что ты должен сделать, это прибыть во дворец. На это и было все рассчитано. Я ждала тебя там. Сколько сил было потрачено на это, сколько лет я рассказывала королеве всевозможные истории, чтобы она, наконец, была бы готова принять тебя и доверить тебе возрождение магии в Краю.

– Какая королева, что ты несешь? Ты моя бабка, это я понял. Что я делаю здесь? Вот сейчас!

Старуха плюнула с досады:

– Я не знаю, что ты делаешь здесь, родной, не знаю, что-то пошло не так, и я не знаю, что именно. Я могу сказать, почему я оказалась здесь. Меня сюда притянуло заклятием. Я должна дать тебе последнее напутствие.

– Да почему последнее-то? Я что? Умру?

– Умру я. Поэтому... Молчи, сынок, времени у нас немного.

– Хорошо, – после небольшой паузы продолжил Иннокентий. – Я понял, что у тебя нет ответа на вопрос, почему я здесь. Ну, пускай, здесь и здесь, это лучше, чем в том винном погребе...

– Каком винном погребе, – встрепенулась его собеседница.

– Да ничего особенного, просто какой-то странный подвал. Мы ехали с товарищем, остановились перекусить, я спустился за вином и что-то случилось, последнее, что я помню, – это удар по голове. После этого я очнулся здесь, мой товарищ пропал. Наверное, он меня ищет, нужно поспешить выбираться отсюда...

Бабка от души рассмеялась.

– Так ты сбежал от корчмаря?

– От корчмаря? – удивился Иннокентий. – Не может быть!

– А ты как думал, ты сын и внук известнейших магов, тебя друг приводит в винный погреб, в котором ты получаешь удар по голове. Это значит только одно: кто-то знает о тебе, надо поторопиться. По моему замыслу ты должен был уже сегодня быть во дворце, куда тебя должен был доставить мой верный человек. Запомни одно, мой мальчик, ты должен добраться до дворца и обязательно говорить с королевой, говорить с ней наедине, и должен ей во всем признаться...

– Да в чем признаться, бабуль, я ж ничего не совершил...

– Признаться в том, что ты маг, что ты единственный внук Будияра, мужа Рогнеды, матери Светозары, что ты можешь восстановить ...

– Но ведь я даже не знаю, кто такая Светозара, а что касается магов, так я даже веснушки свести не могу у себя...

– Я должна была тебя всему научить. Но мы не встретимся. Это ничего. Есть книга, там все. Ты должен найти книгу, в ней все, – голос старухи становился тише.

– Бабуль, подожди, какая книга, где мне ее искать?

– Придешь к королеве, скажи, что ты внук Рогнеды... И книгу, найди книгу...

Не только голос старушки звучал тише, но и сама она как будто становилась прозрачнее, буквально таяла на глазах...

– Бабуль, ну поживи еще, поговори со мной...

Рогнеда улыбнулась:

– Поживи еще... Я уже мертва, сынок, то, что ты видишь – это мое последнее напутствие тебе...

Скукоженная ладошка старухи растаяла в руке Иннокентия. Он повертел своей рукой, как если бы все еще пытался отыскать руку собеседницы.

– Бабушка-а, – позвал Иннокентий.

Он позвал еще и еще раз, отчаянно вертя головой по сторонам, слезы застилали ему глаза. Однако, это не помешало заметить небольшой столб дыма за деревьями.

Наскоро разметав костерок, Иннокентий, прыгая по стареньким гнилым лавицам, направился к соснам. За сосна-

ми открывалась небольшая поляна, посреди которой высился старый дом, удивительно точной формы, формы квадрата, без выступов и пристроек.

Сложен он был добротнo из толстых бревен, домишка приподнимался над топью на вынесенных сваях. Весь поросший мхом и окутанный толстым слоем плесени, дом скорее отталкивал от себя, нежели звал войти внутрь и расположиться там.

Дурманящий запах прелых корней вызывал тошноту. Иннокентий мялся на пороге, раздумывая, входить или нет.

– А, да ладно! – выпалил Иннокентий и, чтобы отогнать страх, шутливо постучал.

После нескольких ударов, дом, казалось ожил, темно-зеленый мох и белая седая плесень слились в красивый переплетающийся узор. Да и сама поляна наполнилась светом. Деревья обступили Иннокентия, помимо сосен тут уже был целый дендрарий.

Ближе к дому подошла рябина, ива, напротив, издалека заглядывала на пришедшего. Кусты азалии, удивительным способом оказавшиеся тут, нагло уставились на происходящее.

Березка трусливо выглядывала из-за угла дома, тихо шелестя и нашептывая тем деревьям, которые оказались поодаль, сюжет разворачивающихся событий.

Душица приветствовала собравшихся знойным едким ароматом, камелия стыдливо клонила свои яркие цветы.

Мир вокруг оказался удивительно чудесным, в нем не было никакой опасности, неоткуда стало ожидать напастей.

На душе у Иннокентий повеселело, и он постучал снова, в этот раз сильнее.

Лея, сто раз проклиная себя за опрометчивое желание бросить эту самодовольную королеву в ее напыщенном дворце, напуганная любимыми шорохами ночи, пробиралась вдоль тракта к своей деревне.

Вслушиваясь и вглядываясь в темноту, к утру она различила явные звуки погони...

Корчмарь слушал всю эту невероятную историю, пытаясь понять, что именно он чувствует. С одной стороны, в его бухту приплыла весьма вкусная и крупная рыба, за которую можно получить хороший барыш. А с другой стороны, за такую рыбу можно лишиться головы. Если девчонка не врет, и королева действительно ищет ее, нужно было понять, зачем она ее ищет.

Одно было понятно точно, крестьянка что-то знала, и это что-то хотела знать и королева. Ничего не мешало корчмарю воспользоваться инструментами в подвале для дознания истины и принести ее на блюде в уже готовом виде высокому начальству. Можно было бы этого и не делать, но вдруг информация нужна не только Ее Величеству, и ее можно продать сразу нескольким людям. Но что, если королеве нужна была сама крестьянка? Живая и здоровая? Тогда ее ни в ко-

ем случае нельзя было трогать.

Он посмотрел на Казимира, тот медленно кивнул ему. Старые приятели, видимо, думали об одном и том же.

Оба искали способ узнать наверняка, что более ценно: девчонка или то, что она знает.

В разбитое окно корчмы заглянул служивый.

– А что, братцы, не видели ли вы тут девушку со светлыми волосами и в синем платье с желтым передником? Хотя, конечно, платье, это так, наверняка, на ней что-то другое, возможно, дорожный плащ... Но волосы у нее точно светлые, а глаза серые, на вид, лет так восемнадцать...

Корчмарь и его приятель переглянулись. Удача сама шла в руки.

– Нет! – выкрикнула Лея. – Не видели такую!

Мужчины согласно закивали головой, а корчмарь откинул засов с двери, приглашая гостя пройти, отведать с дороги что-нибудь да рассказать последние новости из дворца.

Гвардеец охотно согласился:

– Да неплохо было бы, всю ночь идем, ноги в пыль стерли. Подай лимонной воды мне!

Корчмарь удалился за стойку.

– А зачем вы ее ищете, мил человек? – спросил Казимир

– А этого я сказать не могу, это, мил человек, тайна государственная, – передразнил его пришедший.

Лея вжалась в стену, замерев от страха. Она судорожно размышляла, кого ей больше стоило бояться: королевской

стражи, которую, скорее всего, за ней послала правительница, чтобы наказать за грубость, или этого седого человека, который, казалось, знал о ней больше, чем она о себе рассказывала.

Ум Леи скакал, как заяц, от военных к странным приятелям. У нее было всего несколько мгновений, чтобы выбрать, к кому она примкнет.

– Наверное, она сделала что-то плохое королеве? И теперь королева хочет ее наказать? – еще раз попробовала узнать Лея.

– Ну, милая, тебе же сказали, что это – тайна. Некрасиво пытаться выведать ее, – поставил стакан прохладной лимонной воды перед военным корчмарь.

Служивый жадно схватился за напиток и сделал несколько глотков.

– Ну, одно я могу вам точно сказать, это то, что я думаю, а я думаю, что королева не хочет ничего плохого бедной девушке, иначе нам бы позволили привести ее живой или мертвой. Но указ один: вернуть живой и здоровой.

– Это! Это я! – выкрикнула Лея, решившись принять сторону военного и согласная уйти из корчмы с королевской стражей.

В ту же минуту она испытала облегчение, будучи уверена, что приняла верное решение.

Гвардеец встал и протянул ей руку, предлагая последовать за ним:

– Я очень рад, что судьба свела нас так быстро, – выпалил он.

– Идемте же! – вскочила со своего места Лея, радостно улыбаясь.

Военный побледнел:

– Сейчас-сейчас, – проговорил он, наклоняясь вниз, как будто что-то стараясь поднять с пола.

Последовавший за этим глухой стук по-разному подействовал на компанию. Лею напугал, а двух приятелей, скорее, насмешил.

В полной тишине, не дав девушке оправиться, Казимир схватил армейца за ноги и потащил куда-то вниз, а Георгий широко уверенно шагнул в сторону Леи.

– Вот надо же как бывает, – хищно улыбался он. – Дважды судьба пыталась тебя спасти, и дважды ты избегала спасения.

Лея тоже уже поняла свою промашку, но просто так сдаваться не хотелось:

– Отведите меня к королеве, я поговорю с ней, вас щедро наградят, – нарочито громко сказала она.

Корчмарь от души расхохотался и сделал к ней еще один шаг.

Чтобы выбраться из окружения Лее понадобился бы прыжок невероятной высоты и силы. Корчмарь улыбался, понимая, что такой прыжок под силу только дикому коту.

– Дяденька, отпустите меня, пожалуйста, я никому не скажу, что вы гвардейца убили, отпустите меня, я к маме хочу, –

внезапно зарыдала девушка.

– Давай-давай, милая, продолжай, – похвалил ее Георгий. – Так оно приятней, когда жалуются, понятно, что не с бревном работаю. Давай, хорошая, поплачь, я люблю, когда так плачут-то.

И Лея послушно зарыдала громче, причитая и всхлипывая.

От удовольствия корчмарь даже закатил глаза. И девушка тут же воспользовалась тем, что внимание его ослабло и что было силы рванулась в дверь, улепетывая подальше от страшного места. Как можно быстрее к королеве!

На пороге стоял долговязый деревенский парень. Он несколько виновато улыбался, заглядывая внутрь комнат.

– Здравствуйте, – преувеличенно вежливо протянул он, не решаясь подняться по ступенькам.

– Заходи, садись.

Иннокентий не решался, кто его знает, что это за собрание. Вдруг, людоеды. Мысль о том, что в пустом лесу живет семья людоедов, вдалеке от своей добычи, какой-нибудь большой деревни, рассмешила его и он двинулся навстречу жильцам.

Мужчины не сговариваясь, но согласно, как по команде, сдвинулись на шаг назад.

Первым нашелся Борис. Он вышел из-за спин товарищей и начал деловитый разговор.

– Привет, незнакомец. Вот уж не знаю, как ты нас нашел, но это, надеюсь, мы сейчас узнаем. Прежде чем мы пустим тебя пройти дальше, ты должен рассказать нам о себе гораздо больше, чем просто назвать имя.

– А как вы так сделали, что дом сначала был заброшен, а потом все стало таким красивым?

– Нет-нет-нет. Сначала ты расскажешь о себе. Расскажешь все без утайки. А потом я, может быть, отвечу на твои вопросы.

– А, может, и нет? – передразнил его Иннокентий.

– Все верно, – подтвердил Борис, сделав вид, что не заметил лицедейства гостя.

Матильда и Ярослав уже некоторое время шептались о чем-то. Борис резко глянул на них:

– О чем вы шепчетесь?

– Борис, если он это увидел, значит он тоже?

– Нет, это ничего не значит, – отрезал Борис. – Итак, мы слушаем...

Иннокентий тем временем двигался к двери на выход, решив, что в этой компании ему совсем не хочется оставаться, тем более теперь, когда он знал, что ему надо, опасаясь разных охотников до магов, двигаться как можно быстрее к королеве.

Миролюб засмеялся, не сдержавшись от вида крадущегося долговязого блондина, подошел и взял его за руку:

– Не бойся, я знаю, ты наш. Не бойся, – заговорил он, за-

катывая глаза.

За спиной у них раздался шепот:

– Слушайте, слушайте, Миролюба настигло. Он что-то говорит.

А Миролюб тем временем быстро проговаривал откуда-то возникающие в его голове слова:

– День шестой, был смраден воздух, огонь пожрал весь край и небо, баба сына родила, отдала его в надежде на спасенье магов, было это в день расправы над Святою Светозарой, пела мгла, хохотали совы, весь день кузнечики рокотали в небо песни, гром будили, и скачками грозной лани затряслась земля под нами. Был рожден ...

Борис дернул Миролюба за рукав.

На глазах у всех застыло изумление.

– Зачем? Зачем ты это сделал? – не сдержался Вениамин.

Миролюб просто застыл без движения, открывая рот, словно рыба, и не произнося ни звука. Его затрясло изнутри, будто внезапно напала лихорадка, и про Иннокентия на какое-то время все забыли, забежав по дому и стараясь определить своего товарища-оракула в более удобное место, чтобы он смог легче пережить удар, вызванный резким прекращением магического действия, исходившего из него.

Откуда-то из соседней стены доносились приглушенные спорящие голоса:

– Пусть он уйдет!

– Как он уйдет? Нужно сначала узнать, кто он такой?

– Как кто? Мы же только что говорили, что седьмой – это убийца. Он и есть тот самый седьмой!

– Откуда ты это знаешь? Во-первых, если бы он был убийцей, он не был бы магом, все знают, что бывает, если маг убьет мага. Во-вторых, у Миролюба было что-то насчет него, что-то пошло из него. Зачем ты его остановил?

– Очень интересно, как ты ему сразу поверил. А тебя не смущает, что видение было не только у Миролюба? До того, как он постучал – его появление предсказала Книга. Она нас буквально за мгновение о нем предупредила. Ты что? Кому ты больше веришь? Книге или Миролюбу? И потом, посмотри на Миролюба, он же первая жертва новенького. Вот, пожалуйста, один уже убит почти!

– Но ведь это ты виноват, что он почти убит. Ты же дернул его, остановил в тот момент, когда мир говорил через него! Не надо сюда приплетать новенького! Почему ты его остановил?

Там же раздался хрип и кряхтенье.

– Миролюб приходит в себя, – облегченно выдохнул Ярослав, придерживая пытавшегося удрать Иннокентия за локоть. – Нет, хороший мой, пойдем и все расскажем друг другу.

Ярослав усадил Иннокентия подле себя. Богдан тем временем, воспользовавшись суматохой и тем, что все заняты были оракулом, подвинул к юноше чугунок с дымящейся картошкой:

– На вот, ешь пока. А потом уже разберемся, друг ты нам или враг.

Долго уговаривать Иннокентия не пришлось. Через несколько мгновений Богдан улыбался, глядя, как малец чавкает, уплетая ароматное варево.

Тем временем Миролюбу действительно полегчало. Из соседней комнаты вернулись Вениамин и Борис. Все потихоньку стали возвращаться на свои места. Богдан тайком убрал посуду за юношей и, переглянувшись с Ярославом, похлопал мальчика по плечу:

– Не бойся ничего.

– Итак, мы слушаем, – произнес Борис, когда все уселись и замолчали.

– Меня зовут Иннокентий. И, судя по всему, я маг из очень старинного рода. Меня, кажется, пытались убить за это. А еще я должен найти книгу и отправиться к королеве.

Борис нервно хихикнул:

– Вот так, да? Ну что же. Раз мы все знаем, предлагаю голосовать: оставляем мы юношу или он оставляет нас.

– Может быть, рано голосовать, – возразил Вениамин. – Пока еще не совсем понятно, за что именно голосовать. И для начала я бы послушал Миролюба. Возможно он скажет то, что недоговорил, потому что ты прервал его?

Миролюб молча замотал головой.

– Ну что ж, значит обойдемся без пророчества Миролюба, очень жаль, – продолжил Вениамин.

– А мне кажется, что тут все понятно, мы узнали, что седьмой – убийца, и вот он седьмой, – продолжила Матильда.

– А ты уверена в этом? – ехидно заметил Богдан. – В пророчестве не сказано ни слова, что сейчас вот войдет седьмой. Книга указала, что седьмой – убийца. А кто именно седьмой, пока не понятно. Например, нас шестеро мужчин и одна женщина. Ну, что скажешь? Может, это ты тот седьмой?

– Да как ты смеешь? Я? – Матильда расплакалась.

– Нет-нет, плакать – это вовсе не дело, – утешал ее Ярослав. – Плакать – это запрещенный прием, деточка. Но, согласись, в чем-то Богдан прав. Мы не знаем, кто именно из нас седьмой и по какому признаку.

– А, по-моему, все тут ясно! – выкрикнул Борис. – Нас было шестеро, и мы довольно долго жили бок о бок. Никто никого не трогал. И вот, появился седьмой, и появились первые жертвы, пожалуйста, посмотрите на Миролюба.

– А не надо, пожалуйста, Миролюба приплетать сюда, – потребовал Оракул. – Меня прервал ты, и ты и есть причина моего плохого самочувствия. А вот что касается седьмого, так кто поручится, что это не ты. Может, ты знал о пророчестве в книге заранее и задумал истребить последних магов края, и именно для этого собрал здесь всех нас? Ты же был первым, кто был здесь. Ты скрывал от нас пророчество Книги. Мы узнали его совершенно случайно. Может, если бы ты скрыл от нас это пророчество, мы бы доверяли тебе, а ты бы дождался прихода седьмого мага и всех нас убил. А?

– Ну, уж это совсем из ряда вон, – задохнулся Борис.

Слово взял Вениамин:

– Подождите. Давайте пока попробуем подобрать какой-то признак, по которому мы сможем определить лишнего. Например, один признак у нас есть: это признак мужественности и женственности. Прости уж, Матильда, тебя пока никто не обвиняет. Но этот признак нельзя не брать в расчет. Давайте подберем еще несколько других, у кого наберется больше совпадений, о том мы и сможем говорить, как о лишнем. Какие признаки нашей общности мы можем назвать. Пожалуй, я могу предложить вот что. Наше искусство. Судя по всему, у нас должно быть разное искусство. И оно не должно повторяться.

– Морок, пророчество, стихия, материализация, усмирение, книжник и.... – все уставились на Иннокентия. – Какое у тебя искусство?

– Я не знаю, – честно ответил Иннокентий. – Я даже не уверен, что я маг. Дело в том, что я совершенно недавно и совершенно случайно узнал об этом.

– Ну, может быть, с тобой что-то странное происходило, ты не замечал? – участливо подсказал Богдан.

– Да нет, ничего такого. Ну кроме только одного. Я не знаю, как я оказался на болотах. В общем, меня хотели убить, и если верить Рогнеде...

– Кому? – удивился Миролюб.

– Рогнеде, такая старушка...

– Да знаю я, кто такая Рогнеда! – перебил его Оракул. – Где ж ты ее видел? И когда?

– Так вот только что, на болотах. Прежде чем к вам постучал.

Миролуб и Борис кинулись к дверям.

– Да погодите, умерла она!

– Как умерла? Ты ее похоронил?

– Нет, конечно, как я ее похороню.

Борис даже завыл:

– Как похороню? Ты что даже этого не умеешь? Погоди, а когда она умерла?

– Ну вот со мной поговорила и померла...

– Убийца, седьмой – убийца, – зашептались вокруг.

Вениамин попытался сдержать панику за столом:

– Иннокентий, расскажи, где лежит тело Рогнеды?

– Да в том-то и дело, что нигде не лежит. Она ко мне приходила не сама, а... как же она это называла... Сейчас-сейчас. А! Последнее напутствие. Ну как живая. Только потом растаяла.

– Дела-а-а, – прошептал старик, вернувшись из подвала и выслушав рассказ корчмаря о беглянке. – Ну и что нам теперь делать с гвардейцем.

– А что делать, – оскалился Георгий. – Чик по горлу – и в колодец.

За общими шутками и разговорами приятели избавились

от холодного тела, предварительно раздев его, чтобы форма в колодце не привлекала ничье внимание.

– Вот, что мне в голову пришло, – задумчиво проговорил старый пес. – Что это за дела такие творятся, как бы разузнать. Чую я, в мире что-то делается, может, последние дни ему приходят...

Корчмарь взглянул на товарища. Тот смотрел на аккуратно сложенную форму королевского сержанта.

– А что, и то дело! – засмеялся он. – Стекла только вставим, да отлежишься ты, а то головой ведь потряхнулся.

– Ты и сам-то красавец, в собственном доме и не знаешь, кто тебя привязал в углу.

– Да! – вскрикнул корчмарь и со всей хлопнул Казимира по плечу. – А ведь я вспомнил! Все вспомнил, забыл сказать только тебе!

– Так, а что ж ты молчишь?

– Да тут девка эта, гвардия, закрутился. Сейчас все расскажу!

Прятели уселись за стол:

– Аксинья! Водки нам! – скомандовал Георгий. – Ну так вот, – продолжил он, обращаясь к товарищу. – Захожу я в подвал, а столько во мне злости было, ну знаешь, прям убить кого-нибудь хотелось. Ты мне как раз только-только стекла побил. Ну и пошел я к себе. Дай, думаю, мальчика пощиплю. Злой я был, дубину взял, захожу в подвал, а там малой шарится. Я и вlepил ему. Да так вlepил, что парнишка созна-

ние потерял. И тут такое началось...

Аксинья уже несколько времени назад поставила перед ними запотевший штоф, расписную плошку солёных грибов, горячий слипающийся каравай и стояла, открыв рот, заслушавшись рассказом хозяина.

– Вижу я вдруг, что я это и не я. И мое тело и не мое. Только стою я на поляне, а вокруг такая благодать во всем, птицы поют. Я еще подумал, а с чего бы у меня в подвале птицы-то вдруг запели. Удивился, конечно, но виду не подаю. Как бы для меня это все привычно, вдруг кто дурачит. Стою и стою. И вижу малец со мной рядом стоит. И ты стоишь. И все вы вроде как статуи или картины какие нарисованы.

– А! – раздался рядом женский всхлип.

– Тю, дура, напугала меня. Иди отсюда, – выругался Казимир на бабу. – Так что там дальше-то?

– А вот дальше я не мастак объяснить. Понял я только одно, что ты это малец, а малец – это ты. Но только ты это ты, а он это он. Это я тебе не сумею рассказать. Я тебе кричу этак, вроде как зову тебя по имени, а ты от меня удираешь. Быстро так бежишь. Не догнать. В лес прямехонько. Я – к мальцу, мол, догони родной, а тот хохочет славно так, и так на душе мне стало хорошо, что я с ним смеюсь. А потом я в себя как будто пришел. Башка трещит, как будто по ней со всего размаху дубиной дали. И ты рядом скачешь дурачком. Тут я тебя оприходовал. А пока суть да дело, тебя в колодец, про себя решил, что в погреб больше ни ногой. Только все

равно интерес взял свое. Спустился. Стою. К темноте привыкаю. И как мне снова захорошело. И снова я в благодати стою, и парень тот на поляне. И улыбается по-доброму так. Я ну рыдать, говорю, мол, прости меня, паря. Тот улыбается. А я прошу, прости меня, говорю, за все, не дай мне зла сотворить. Мальчишка засмеялся, хорошо, мол, говорит, тогда я тебя свяжу. А потом все и растаяло. Тут ты пришел.

– С бабой надо чаще, – хохотал Казимир. – Вместо того, чтоб Аксинью обрюхатить, ты в подвал за благодатью повадился. Стареешь, черт.

Оба приятеля еще немного выпили и разошлись.

Ранним утром Казимир оделся в гвардейский мундир и выехал из корчмы.

Все посмотрели на Вениамина.

– А что это вы на меня уставились?

– Ну ты же у нас книжник! – язвительно заметил Борис. – Вот и отвечай, как так могла растаять старушка.

– Я точно сказать не могу, но такие случаи бывали. Это похоже на последний выдох. Все вы знаете выражение «испустил дух». Так оно и есть. Умиравший последним всегда делает выдох, что и называется испустить дух. Однако магам свойственно продлить себе жизнь в этом самом последнем выдохе. Хотя, признаться, жизнью это не назовешь, потому что действительно воздух формирует некое привидение, видимость живого человека, а, как мы все знаем, ветер может

носить воздух куда угодно и как угодно быстро. Так что, я вынужден заключить, что рассказанное Иннокентием вполне возможно. Выходит, Рогнеда перед смертью в предсмертный выдох вложила последнее напутствие, которое, путешествуя с ветром, достигло нашего гостя на болотах, недалеко от нашей избы.

– То есть Рогнеда действительно умерла? – отчего-то тонким голосом проговорил Иннокентий.

– Да, судя по всему, так и есть. Но вопрос: когда именно она умерла, все еще не закрыт. Как долго летал по ветру ее наказ, никто не знает. Мне не приходилось с таким сталкиваться, а что, правда, она выглядела как живая?

– Один в один! – всхлипнул Иннокентий. – А еще она сказала, что она моя бабушка! Представляете, ведь у меня никогда не было бабушки. Вот у всех-всех в деревне была, а у меня не было. Была только мама. А их всех бабки гоняли и ругали-и-и, – завыл он совсем.

– Фу, – фыркнула Матильда. – Ну и мужики пошли.

– Какой он убийца? – засмеялся Ярослав. – Посмотрите на него. Матильда, дай ему сисю, успокой ребенка.

Щеки Матильды немедленно вспыхнули алой краской.

– Да хватит тебе, девка! Ишь какая! Все не по ней! – замахал на нее Ярослав.

– А что должно быть по мне? Вы меня сначала объявили убийцей. А потом я вас должна грудью кормить?

– Тьфу ты, вздорная ты баба! – отозвался Богдан.

– Да! Вздорная! Я вздорная! А ты! А ты, что ты прятал недавно под крыльцом? А? Богдан? Нет, ты скажи, что ты там прятал?

– Ничего я там не прятал, – переменялся в лице Богдан. – Что это ты взяла?.. А тебе я, Матильда, вот что скажу, бывает последний выдох, а бывает у мертвяка после смерти отрыжка. Так вот ты на выдох не особо надейся, из тебя по смерти одна только твоя злоба и выйдет.

– А раз ничего, тогда кто ж туда болиголов положил? Да ладно бы еще болиголов был просто. Нет, сушеный болиголов. Такой в суп добавь в общий котел, и все, со святыми упокой. Шесть трупов в избе! А? Что скажешь? Я, может, и вздорная баба, да только не убийца!

– Да это от мышей, глупая девка! От мышей! – закричал Богдан.

– Ах от мышей?! – продолжала шипеть Матильда. – Как это так от мышей?

– А так и от мышей, – парировал Богдан, делая странные движения руками и головой, как бы выступая на сцене. – У Вени спроси, он мне и рассказал.

– Что это я тебе рассказал? – возмутился Вениамин.

– А то и рассказал, что болиголов пахнет мышами, когда цветет, они на его запах приходят и дохнут.

– Так это когда цветет! – не удержалась Матильда. – А ты что положил? Ты на первом году болиголов положил, когда он вылитая петрушка. Его в суп положишь или в картошку

и выноси вперед ногами.

– Откуда ж я знал, какой год этому болиголову... – промямлил испуганно Богдан.

– Ой, вот только ну не надо про какой год. Разве это первый раз? Или мне напомнить, как ты уже однажды нас всех чуть на тот свет не отправил. Что скажешь? Не было такого? Не было?

– Ну ладно, успокойтесь, – вмешался Вениамин. – Действительно я посоветовал использовать болиголов. Видимо, Богдан его в яви сотворил, а разницы не понял, поэтому сотворил на первом году.

– А почему ты его защищаешь? – взвизгнула вновь Матильда. – А, может, ты и не его вовсе защищаешь? А себя? Очень интересно выходит!

– А кто по-твоему вас вылечил, когда он вас в первый раз отравил? – выпалил Вениамин ей в ответ.

– Ага-а! Известно кто, ты и вылечил. Только интересная такая картина выходит. А кто ему в первый раз про приправы рассказал? Так ты и рассказал!

– Да-а, – повернулся Богдан в сторону Вениамина. – А ведь точно. Ты мне и в прошлый раз про приправы рассказывал. И меня и подставил, выходит? Я вроде как всех отравил, а ты вроде как всех спас... Значит, выходит, что тебе теперь все доверяют, как благодетелю и спасителю? Хитро-о... А я, вроде бы, и поганец, который всех травит, значит, если что вдруг, так на меня подумают, а не на тебя! Вон оно что!

Богдан двинулся в сторону Вениамина с кулаками.

– А ну-ка перестань! – взвизгнул перепугавшийся было Вениамин.

– погоди, Богдан, – преградил ему путь Ярослав. – Ты свое слово сказал, пускай и Вениамин выскажется.

– А что тут говорить? – побледнел Вениамин. – Мне тут и сказать нечего, ничего такого я не говорил. Разве я его учил, да и зачем мне было его такому учить? Да если б я учил, я б его научил сразу как отравить, а не так, чтобы под крыльцо закапывать. Зачем мне это нужно-то, я б сразу б научил. Да и в прошлый раз, ну разве я его научил делать приправы? Да он сам! Разве он спросил меня, как?

– Ну ладно-ладно. Тихо всем! – скомандовал Ярослав. – Действительно, если бы Вениамину надо было, он бы что-нибудь попроще выдумал, на то и книжник.

– Ну, а кто тогда? – вскрикнула Матильда.

Напуганный не на шутку Вениамин сел на свой стул и сидел там, вцепившись в волосы и раскачиваясь вперед и назад.

Иннокентий во все глаза смотрел на этих дивных, чудных людей, которые устроили заварушку и умели так ненавидеть друг друга. Ему горько было, что все так худо вышло. Он был рад этим людям, рад, что нашел их посреди леса. Он при первой встрече сумел влюбиться по-детски в каждого из них. В каждом видел удивительные черты в лице и одежде, полагая, что нашел то, что давным-давно искал, то, чего не было в повседневной жизни. Люди в его деревне ссорились и ругались

друг с другом из-за каждого пустяка, делали друг другу подлянки, подкладывали тухлые яйца, воровали кур, да мало ли других мелких пакостей совершали они. И так хороши были рассказы, нездешние побасенки про старых мудрых магов, благочестивых и величественных. Как он в минуты горя или уныния любовно перебирал в памяти такие мамины сказки и мечтал, что вот однажды встретит их и тогда все наконец-то будет хорошо. И вот они. Живые, прямо перед ним. И разве о таком он мечтал?

– Да пошли вы ко всем чертям, – вздохнул Иннокентий, взял книгу, которая лежала на столе, украшенная и сверкающая камнями и никому не нужная, и потихоньку незаметно выбрался из избы.

Лея бежала, размазывая руками нахлынувшие слезы, мешавшие ей видеть дорогу. Она рыдала от того, что счастливо освободилась из лап двух убийц и от жалости к себе, попавшей в такую передрыгу простой деревенской девушке, от страха того, что будет впереди, и от радости, что как только она доберется до королевы, то вот всем обидчикам своим покажет!

Путаясь в собственных слезах и дорожной пыли, она все-таки разглядела впереди отряд гвардейцев, разбивших лагерь недалеко от тракта, и ринулась к ним с радостными криками:

– Это я! Вы меня ищите! Это я! Я здесь!

Вояки встретили ее дружным смехом. Таких хорошеньких девчонок в отряде им было не положено иметь, и они очень и очень соскучились по девичьей розовой нежной коже, по девчачьей тонкой шее, по всем этим милым бугорками и извилинкам женского тела...

Мужские крепкие загорелые руки приветствовали ее, передавая от одного солдата к другому, крепко подхватывая за талию, под колени, и не давая упасть. Влажные красные молодые губы улыбались ей, красные языки отчего-то облизывались. И она, она тоже улыбалась им, застенчиво, втайне восхищенная и уже не втайне напуганная таким мужским вниманием.

Поначалу она чувствовала себя наконец-то защищенной после всех этих долгих дней, наполненных беготней и опасностями, наконец-то, казалось, все ее страхи закончились. Но мало-помалу женское чутье подсказало, что столько внимания не только нехорошо, но и опасно. Еще не понимая, почему, но Лея четко осознала необходимость бегства. Она дернулась, пытаясь выволить правую руку, но тут же почувствовала, что локоть, как тисками, сжали чьи-то шершавые грубые пальцы.

– Пустите, пожалуйста, меня ждет королева, – плаксиво пискнула она.

Но в ответ на просьбу, она услышала только дружный и какой-то, как ей показалось, злобный смех. Она дернула другую руку и уже сильнее. Однако, гвардейцы держали ее так

крепко, что вскоре она не могла пошевелить даже пальцами на ноге. Лея чувствовала, что ее куда-то несут. Девушка смотрела наверх, в голубое яркое веселое небо с играющими на нем в догонялки белыми воздушными облачками, на зеленые верхушки деревьев, на молодые ветки, приветственно машущие друг другу... «Если есть там, наверху, хоть кто-то, если все это здесь, что я вижу, думает и чувствует, как я, если все это не бессмысленная глупая кукла, спасите, спасите меня!»

– А что, ребяташки, не слышали вы, что первым старшой должен каши-то отведать? – прозвучал рядом веселый хриплый голос.

Остальные звуки на мгновение затихли. И после небольшой паузы тот же хор, который совсем недавно хохотал и подшучивал над девушкой, дружно, будто бы это был единый организм, выпалил:

– Так точно, сержант!

Лея почувствовала, как те же самые руки, которые недавно сжимали все мягкие места, повернули тело вертикально и отпустили.

Она открыла глаза и увидела перед собой не очень чистые походные военные ботинки. Проследовав взглядом дальше – белые не очень аккуратные гвардейские лосины, запачканные в некоторые местах кровью. «Ах, он герой!» – подумала Лея и прижала руки к груди, к самому своему сердцу, заранее прощая все грехи своему спасителю, и бесконечно влюб-

ленная в него уже сейчас и навечно. Девушка не осмелилась посмотреть на лицо этого великого человека.

– Ах ты, вот же судьба, дочка... – хрипло рассмеялся ее избавитель. – Ну дела-а...

Острая ледяная игла прошла через все тело Леи, пригвоздив ее, как безжизненную тряпичную куклу, к страшной догадке. И в то же время, что-то новое возникло в ее сознании, чего раньше она никогда не испытывала. Ясная и спокойная уверенность в своих силах, в том, что все будет хорошо посетила девушку.

– В общем-то, уже привычная ситуация, не так ли? – холодно ответила она. – Я бегу, ты догоняешь...

Стоявший перед ней спаситель ухватил маленький подбородок девушки двумя пальцами, резко дернув вверх ее голову, нагнулся, чтобы заглянуть прямо в глаза:

– Ну так, беги... – зловеще процедил он сквозь зубы.

– Теперь беги ты...

Казимир привычно ослабился...

– Ваш сержант убит или ранен, лежит в ближайшей корчме, – уверенно объявила Лея остальным служивым. – Это – самозванец!

– Совсем, дочка, видать? Слушай мою команду: разойтись!

Однако никто и не подумал расходиться. Гвардейцы застыли в недоумении. Поверить девчонке и связать сержанта – значит не подчиниться воле начальника, это называлось

бунт. Но если начальник и правда самозванец?

Первым нашелся Казимир:

– Она – ведьма!

Солдаты отпрянули от девушки тотчас же.

– Не верите? Пошлите двоих проверить в корчму по этой же дороге. Там есть подвал. А мы пока подождем, – весело и зло проговорила Лея.

Страх пока еще владел разумом собравшихся, легче было довериться старому сержанту, пусть и не настоящему, чем той, которую он назвал ведьмой.

Лея поняла, что проигрывает.

– Ну-ка, а скажите мне, – выкрикнула она. – Зачем ваш отряд отправлен от дворца в эти леса?

Лея знала ответ, и только ждала, чтобы они сами назвали его. И тогда уж она предстанет им во всей красе, потрясая кулаками и близким знакомством с королевой.

– Мы не в праве разглашать цель нашего похода.

Казимир сгреб Лею в объятия и подвинул близко к себе. Вскоре она больше почувствовала даже, чем услышала, влажный шепот возле уха:

– Не все отряды ищут тебя. Некоторые просто возвращаются во дворец с дальних рубежей. Просто. Возвращаются.

«Все-таки некрасиво как вышло, – думал Иннокентий, выходя на тракт из болот. – Они ко мне со всем добром, а я вроде как ограбил их. Но если бы они знали, почему я взял у

них книгу, они бы сами мне ее отдали. Поэтому нельзя сказать, чтобы я их ограбил. Просто пока бы объяснял, пока они бы поверили, пока проголосовали... Это же уйма времени. А мне надо торопиться...»

Иннокентий совершенно не понимал, где именно находится королевский замок и стоял перед трактом, пытаясь угадать, в каком направлении ему стоит следовать.

– Что ж! Дело мое правое... Значит направо.

Не выходя из кустов, он двигался вдоль тракта. Только сейчас, когда выбрался из болот и избежал шумной компании, находясь близко к людям, он почувствовал, как сильно ноют его истоптанные в кровь ноги. Обувь его истрепалась совершенно, нити, которые скрепляли подошвы, местами врезались в кожу так, что казалось вросли в нее.

– Нет, лучше не смотреть! – подумал Иннокентий и тут же уставился на свои болячки.

«Как удивительно устроен человек, – думал юноша. – Пока я шел и чувствовал боль, я все же шел, но с тех пор, как я увидел все эти гнойники и нарывы, я, кажется, ни шагу больше не пройду. Потому что на том, что я вижу, на таком не ходят!»

Иннокентий упал на спину, положив книгу под голову и, умаявшийся, заснул прямо в придорожных зарослях.

Проснулся под вечер. Невыносимо хотелось пить. Иннокентий огляделся, нет ли где поблизости ручья. Однако насколько хватало глаз стелились непролазные кусты, преры-

вающиеся желтым трактом. Юноша поежился, вечерний холодок начал забираться за ворот. Надо было идти.

Он встал, но тут же снова сел, едва не завыв от боли. Ноги были изодраны, наступить на них не было никакой возможности. Оставалось одно – ждать подводы, вдруг какой-нибудь мужичок с утра пораньше и поедет по своей крестьянской надобности.

С рассветом стало совсем холодно, появилась роса, Иннокентий дрожал не на шутку. Замерзший, голодный, слышав стук копыт по дороге, он на четвереньках подполз ближе. Встал у дороги на коленках и замахал руками проезжавшему:

– Дяденька, помоги!

Дяденька, как вскоре выяснилось, был не склонен помогать всяким придорожным просильщикам. Вытянув вожжами по спине старой клячи, тянувшей на себе полную телегу сельскохозяйственного добра, он одарил Иннокентия на прощание широким щелчком кнута через всю спину. От удара и голода Иннокентий, потерял равновесие и рухнул головой о торчавший тут же камень.

Однако это не умерило его пылу добраться за походом с кем-нибудь из проезжавших. К следующей подводе он вышел так же на четверных, но кафтан его теперь был обременен дорожной пылью, а на лице явились черные круги под глазами от удара переносицей о камень. Вторая подвода, тянувшаяся к вечеру по тракту, просто развернулась и поска-

кала в обратном направлении.

Упавшего духом Иннокентия в бессознательном состоянии нашли гвардейцы, которым донесли о странном природо-рожном существе жившие рядом крестьяне.

Юноша очнулся на высоких подушках, в окно вовсю светило солнце, отчего одна половина лица его была нагрета так сильно, что, казалось, плесни в нее водой, от этой половины пойдет пар. Иннокентий попытался встать. Однако голова тут же загудела, пол и кровать как-то неловко качнулись перед глазами, и он упал на кровать и снова забылся. Через какое-то время ему приснилось, будто он дома, матушка купает его в горячей воде и целует. И он ее целует. И хохочет, так ему радостно сделалось во сне. Только вдруг сон переменялся и почудилось ему, будто целует он курицу... Иннокентий открыл глаза. Перед ним сидела дородная толстая тетка, в собственном поту и расплавленном сале. Она отирала его белым вышитым платком, приговаривая: «Ах ты бедный. Эка ты намучился».

В тетке при всей ее могучей фигуре было что-то такое маленькое, уютное, как снег на дворе, если глядеть на него из натопленной избы. И Иннокентий заплакал. Тетка обхватила его голову, глядя по волосам:

– Ишь ты, намаялся. Плачь, милый... – пожалела его баба и ловко, как маленькому, сунула в рот ложку ароматного куриного бульона.

Иннокентий поднял на нее благодарные глаза.

– Ишь, как теленок, – засмеялась баба.

И юноша разулыбался, все, что было до этого, показалось теперь в просторной теплой избе с такою ловкою доброю толстою бабой дурным сном, кошмаром. Все это было где-то там, в страшных рассказах заезжих мужиков про колдунов и ведьм, в ярмарочных книгах....

– Книга! – Иннокентий резко сел на кровати. – Где книга?

Вениамин шел впереди, ноги его были спутаны, голова поникла. Следом шла невеселая и настороженная процессия из бывших друзей. На лице Бориса красовалась едва различимая легкая усмешка.

– Погодите, – протянула Матильда. – А новенький-то где?

– Ушел твой новенький и книгу упер, – пробубнил Богдан.

– Но если нас опять шестеро, зачем мы ведем Вениамина?

Остановитесь! Нас шестеро, значит Вениамин не убийца!

Вениамин развернулся и вопросительно, с надеждой в глазах посмотрел на товарищей.

– Ну и что? – возмутился Борис. – Ну и что? В книге написано, что один из семи убийца. Но это не значит, что тот, кто пришел седьмым по счету!

– Ага, а раньше ты совсем по-другому говорил, – вмешался осмелевший Вениамин. – Раньше ты настаивал на том, что, кто пришел седьмым, – тот и убийца.

– Друзья мои, – раздался голос Ярослава. – Может быть, мы пока оставим нашу вражду. Потому что у нас действи-

тельно есть занятие и заботы посерьезнее. Раз нас теперь шестеро, мы сможем забыть о поиске врага и целиком и полностью посвятить себя поиску Книги.

На этих словах все как-то выдохнули и расслабились, обратнo, в избу шли уже не колонной за Вениамином, а разбредясь как попало.

Борис остановил их:

– Хорошо, но ведь мы с вами должны беречь себя, ведь именно мы – маги, носители и хранители разных умений, через несколько лет будем возрождать магическое искусство в Краю! Наша цель сохранить знания и передать его следующим поколениям!

– Да-да, – перебила его Матильда. – Я, если честно, не очень-то и верю, что нам придется все это когда-нибудь делать. По-моему, этот твой великий час никогда не настанет. А пока что, раз уж мы так важны и нас нужно беречь, давайте просто запретим Богдану готовить и создавать в яви еду. Вот и все!

– А кто ж будет готовить? – удивился Богдан.

– А вот Матильда и будет, – засмеялся Миролюб. – Женщина как никак.

– Щаз! – фыркнула Матильда. – Я так много не ем!

– А вообще-то, надо заметить, что Матильда не так уж и не права, – заговорил Вениамин тихим голосом. – Я тоже не верю, что мы когда-нибудь понадобится этому миру, что мы так важны для него. Два с лишним года мы сидим в этой из-

бе и упражняемся только в том, чтобы как можно хитрее и смешнее подковырнуть друг дружку. А между тем жизнь наша, моя жизнь, проходит стороной. Там, за этими болотами живут крестьяне, там есть огромная библиотека, в который я так давно не бывал и по которой соскучился. А Матильда? Молодая, юная совсем девушка. Сидит с нами, теперь вот еще ее ждет светлое будущее – готовка еды для нас. Зачем ей это? Она может спокойно вернуться и выйти замуж, нарожать детей!

– Ха-ха-ха! – картинно рассмеялся Борис. – Только ты забываешь, все вы, каждый из вас едва не был убит теми самыми крестьянами, которых ты сватаешь Матильде. Именно они, эти прекрасные сеятели и хлебопашцы, они чуть не убили каждого из вас! И вы хотите туда вернуться? Глупцы!

– Да! Да! Именно! Туда вернуться! Именно туда, где нас чуть не убили! А лучше бы пусть и убили, чем эта жизнь в четырех стенах на болотах со всеми этими до боли знакомыми рожами. Да мы даже поругаться как следует не умеем, Ярослав не дает. Каждый из нас как актер в балагане будто бы речь говорит вместо того, чтоб поругаться, только никто не хлопает. Все эти выступления никому не интересны! Я хочу домой, пусть убьют, пусть, но только не здесь с вечными завтраками и обедами, вечными разговорами о великом будущем! Тошнит! От вас всех тошнит! – зашлась криком Матильда. – Что? Что вы, мерины без яиц, сделать-то можете? Что? Два года вы говорите только об одном: власть во

дворце плохая, но настанет час, когда мы вопреки ее воле возродим магию и весь Край изменится. Вы так любите свои сладкие речи! Вы так гордитесь ими! Каждый раз вы говорите все лучше и лучше. Говорите и говорите! Говорите и говорите! Заткнитесь вы уже! Идите и сделайте Край лучше! Что? Испугались? То-то же! Я ухожу от вас!

– Да! – поддержал ее Вениамин. – Действительно, мы столько говорим, столько готовимся непонятно к чему. А на самом деле, готовимся ли мы? Целые дни мы проводим в болтовне и взаимных упреках. Знаете, я не говорил вам, но у меня такое ощущение, что нас сюда собрали совсем не для того, чтобы мы сохраняли искусство и готовились вернуть магию. Нас просто убрали из мира, из Края, почему-то нас не убили, может быть, это невозможно или опасно, поэтому нас собрали тут, чтобы мы не мешали кому-то творить свои дела в мире без нас...

– И не удивительно, кстати, что Богдан пытался нас отравить, – подхватил Борис. – Мы столько времени проводим вместе, в этом доме. Иногда мне кажется, что каждый из вас что-то задумал против меня. Иногда краем глаза я вижу, как кто-то крадется к моей постели...

– Да не отравлял я никого! – возмутился Богдан. – Да ну вас! Даже говорить не хочу об этом. А вот насчет того, что мы тут просто штаны просиживаем, это точно. Тут Матильда права.

– Конечно, я права! – воскликнула девушка. – Надо ухо-

дить отсюда!

– Ты права, Матильда, – после некоторого молчания сказал Миролюб. – Ты права так, как бывает правым только одно Солнце на Земле, которое появляется утром на небосклоне, а вечером уходит от Земли. Мы ничего не сделаем. Кроме разговоров. Точнее даже: вы ничего не сделаете. Все вы останетесь здесь и не сделаете ни шагу отсюда. Больше того, именно здесь вы и подохнете, глупые маги. Здесь подохнете, скабрзные твари, которые только и могут, что с утра до ночи собачиться между собой. Посмотрите на себя. Давно ли вы делали что-то стоящее, да ну хоть что-то вообще? А? Ты, Матильда, не забыла, что ты стихия? А ты, Богдан, курей умеешь создавать, хороша наука. А ты, Ярушка? Ты-то вообще что такое, а? Ну-ка, Веня, наморщи лобик, да сделай что-нибудь. Что? Что ты сказал, Венечка? Ах, это ты просто пёрнул от натуги. Ну что же. Хороши маги, нечего сказать. Все – в дом. Я ваш убийца! Теперь я знаю вас всех и всех вас убью.

Все бывшие при этом замерли от удивления, глядя как заходится смехом их добрый и такой всегда смешной и веселый товарищ.

Первой пришла в себя Матильда:

– А вот и не забыла! Все помню! – крикнула она, поднимая бурю.

Верхушки сосен заволновались, ветер кидался сотнями иголок в Миролюба, но ни одна из них не могла ему навре-

дить. Буря начала вырывать из земли сначала молоденькие деревца, а потом и вековые, однако не смогла поднять с места того, против которого начала бушевать.

Матильда упала без сил.

– Глупые мои, важные мои, каждый сам за себя из вас, – почти по-отечески ласково проговорил Миролюб. – Так вы каждый собой гордитесь, так вы себя цените. А надо вам было научиться сообща, вместе действовать. А вы, глупенькие, каждый друг перед другом хвосты павлиньи распускали. Все теперь.

– Но как?.. – удивленно протянул Богдан

– Все в дом! – крикнул Миролюб вместо ответа.

Королева явно нервничала. Она быстро ходила по комнате от одной стены к другой, мычала и мотала головой, выражая недовольство кем-то или чем-то невидимым. Второй день она так и не притрагивалась к еде. Бледная, с горящими глазами она, казалось, бредит. Иногда она яростно что-то шептала, а временами забиралась с головой под одеяло и не высывалась оттуда несколько часов.

– Кто он? – бормотала королева прохаживаясь по коридорам дворцам.

– Кто этот человек? – задавала она вопрос отражениям зеркалах.

– Да кто же это? – искала она за тяжелыми портьерами в залах.

– Кто бы это мог быть? – спросила королева проходившего мимо кареглазого юношу.

– Кто он, сударыня? – удивился молодой человек.

– Ах, да-да, что же, вы куда-то шли? – спросила королева, словно очнувшись от забытья.

– Моя королева, – ответил ей он. – Позвольте усладить вас музыкой, она как никто врачует душевные раны и сокращает ожидания. Она одна – помощница и в заботах, и в праздные минуты.

Юноша настолько был хорош собой, его темные карие с искорками глаза захватывали внимание и поглощали смотрящего в них. Королева, как и любая женщина каких угодно кровей, не удержалась и поддалась обаянию прекрасного флейтиста.

Словно замороженная, она двигалась с ним по коридорам к своему кабинету, не отводя своих глаз от его лица.

Флейтист, напротив, как и положено низшим чинам, не смел поднять головы на королеву. И чем больше он отводил свой взгляд, тем настойчивее королева стремилась стать ближе к нему.

Когда дверь кабинета закрылась за ними, и они остались одни, флейтист повторил свой вопрос:

– Моя королева, о ком же вы спрашивали, когда я встретил вас?

Евтельмина знала, что никому на свете не может поверить своих тайн. Никому на свете. Но эти глаза были настолько

чарующе красивы, дурманяще близки, им нельзя было не доверять. И королева, забыв обо всех осторожностях, поведала юному музыканту все свои планы, все печали и надежды.

Королева болтала без умолку, как самая обычная торговка на рынке, говорила обо всем, постоянно сама себя одергивая и не могла остановиться.

«Вот, что значит женская натура! – рассуждала она сама с собой, пока язык молотил чечетку, выдавая этим ясным карим глазам все секреты. – Что ж это делается? Всю жизнь! Всю свою жизнь я презирала этих моих болтливых фрейлин, сплетничающих на каждом повороте обо всем, что происходит. А вот, оказывается, я и сама такая же, как они. Вот, что значит быть женщиной».

Мысленно Евтельмина уговаривала себя перестать, а язык, отпущенный на волю, не унимался, а карие глаз так одобрительно смотрели, и королеве ничего не оставалось, кроме, как попотчевать гостя особенным чаем.

Обливаясь слезами, ругая себя на чем свет стоит, она подала ароматное зелье с мелким порошком, пахнувшее миндалем в самые поры его цветения, в резных перламутровых маленьких чашечках.

– Почему вы плачете, моя королева? – изумился флейтист.

– Нет, это не объяснить, это так, это просто, впрочем, не важно...

– Мне кажется я знаю, кто он! – сказал флейтист, поднося чашечку ко рту и нежно фукая на поверхность горячего

напитка, чтобы остудить его.

– Кто? О ком вы говорите?

– Я говорю, что, кажется, знаю, кого вы ищете, кого имела ввиду деревенская девушка, – и юноша прищурил глаза, защищаясь от горячего пара, приготовляясь сделать глоток. – Дело в том, что я был воспитанником вашей няньки, Рогнеды. Долгое время, в тайне от вас, она держала при себе, как это сейчас принято называть, талантливую молодежь. Я был одним из них. И представляю себе, по крайней мере, двух юношей, что были со мной и полагаю, что именно о них шла речь в записке...

Евтельмина со скоростью скаковой лошади, жестом широким как западные горы с размаху врезала по маленькой чашечке, задев прекрасное лицо флейтиста:

– Не смейте пить!

– Истеричка, – прошептал флейтист и бросился бежать.

Королева ринулась за ним. Юноша, конечно, был гораздо быстрее и дворец знал гораздо лучше, все переходы и тайные лазы были ему известны. А королева путалась в поддубниках, застревала в рюшах, задыхалась в высоких воротниках, поэтому она прибегнула к женской хитрости:

– Держи вора! – закричала она.

И через несколько мгновений раздался тяжелый удар и какой-то несуразный хлопок. Бывший за поворотом лакей остановил флейтиста.

Королева велела внести юношу в ее покои и позвать к

нему врача. Через некоторое время после траты нескольких щепотей нюхательной соли, ледяных компрессов музыкант пришел в себя.

Евтельмина облегченно выдохнула и велела выгнать всех из комнаты.

– Наконец-то, наконец, дорогой ты мой! Зачем ты победил? Зачем? Ты понимаешь, что ты мог вообще не выжить?

Флейтист растерянно улыбался.

– Кто вы? – спросил он, хлопая большими карими глазами.

Иннокентий ругал себя на чем свет стоит, как он мог забыть такую ценную вещь.

– Все потому, что легко она мне досталась, вот если бы с трудом добывал, уж не забыл бы....

– Об чем ты, сынок? – ласково спросила его баба.

– А! – Иннокентий в сердцах махнул рукой. – Ни об чем. Ты кто такая, тетенька? И как я сюда попал?

– Аксинья я, милый. Здесь, в корчме, работаю. Нас тут двое: хозяин да я. А тебя солдатики привезли. Прохожий им про тебя рассказал, что ты у тракта лежишь, так солдатики за тобой съездили. А Гога тебя подобрал, обещал выходить.

Что-то знакомое чудилось Иннокентию в говоре бабы, как будто давно забытое что-то проступало в памяти.

– Ак-синь-я, – проговорил он по слогам, как будто жевал это слово. – Ак-синь-я-а-а.

Что-то вдруг до такой ясности припомнилось ему, что он вскочил на кровати:

– Сходи, малец, скажи Аксинье, чтоб хлеба дала и вина...

– Что? – рассмеялась дородная баба у его постели.

– Нет-нет, ничего, – Иннокентий судорожно припоминал все произошедшее, как будто смотрел спектакль, где все актеры играли быстро-быстро, проговаривая монологи и молниеносно производя действия. – А нет ли у корчмаря друга такого, знаешь ли, старый, седой вояка... Казимир...

– Да! Есть конечно! Это ж они друзья те самые и есть! Гога да Казимир. А ты откуда знаешь?

– А я, тетенька, друг, ну не совсем друг, а ученик того самого Казимира.

– Вот уж не слыхала я про учеников у него, да кто знает, что с людьми в старости случается, вишь, может, и этот на исходе-то жалеть о жизни стал. Вот и хорошо. Казимир скоро придет, уж как рад он тебе будет. А пока что спи, выздоравливай.

– Да мне идти надо, я одну вещицу в дороге позабыл.

– И-и, милый, как же ты пойдешь? Белье твое все на веревках сушится, да и сам-то ты слабый совсем. Куда уж. Лежи пока, – баба собрала тарелки от обеда и повернулась к выходу.

– Не уходи, тетенька, – жалобно сказал Иннокентий. – Поговори со мной, посиди тут еще...

– Да что ж тебе рассказать, – улыбнулась Аксинья. – Ну

вот разве что чудные дела сейчас в мире делаются. Вчера, а то и раньше... Дай-ка подумать... Да! Вчера оно и было, убежала к нам в корчму девушка молоденькая, хорошенькая. Я толком ничего не поняла, только что услышала, пока мимо проходила, что та девушка очень важная, ее сама королева ищет. А она от королевы сбежала. И сама тоже ищет. Ищет жениха своего. Как бишь его звали-то? Имя такое какое-то редкое. Ну да потом припомню. Имя редкое, потому что жених ее сын магов, и королева об этом знает, и очень его ждет. Иннокентий! Вот как!

– А ее? – взволнованно спросил юноша.

– Да, вот как ее-то звали я и не знаю как раз. Знаю, что-то нехорошее эти двое молодых задумали. Мой-то Гога, хозяин в корчме, он таких нехороших магов заставляет их от магии отказаться. А Казимир твой, ну сам знаешь, магов этих ловит. Так вот он за той девушкой и пошел. Стало быть, заговор какой-то в Краю, самой королеве грозит. И гвардейцы за нею охотятся, и наши с тобой.

– А когда Казимир уехал?

– Вот утром этим, до зари еще. Как вернется, того не знаю, он на несколько дней пропасть может. Непростое дело – врагов рыскать-то. Они ловкие, прячутся хитро. Ух, как я их всех ненавижу. Ведь все беды от них! Все беды из-за этих магов.

– Аксинья, – тихо сказал Иннокентий. – А что ж...

– Тихо! – перебила она его. – Слышишь? Слушай! Шаги

слышишь?

Аксинья быстро подошла к окну:

– Ну вот же он, Казимир приехал! И девчонку привез! Какой молодец. Осталось только жениха его выловить. А то погибнет Край-то. Кабы не наши с тобой Гога да Казимир, может и Края не было бы никакого уже. Что сказать ему, кто нашелся? Звать-то тебя как?

– Борисом.

И Аксинья вышла за порог, а Иннокентий бросился к маленькому окошку, выходящему на двор.

Там, внизу, действительно стояла лошадь, через спину которой была переброшена хрупкая связанная женская фигурка. Иннокентий тут же узнал ее:

– Лея! Милая! Как же так-то!

Как-то защемило у сердца, стыдно было перед ней и в то же время жалко ее. Страх тут же не замедлил себя ждать. Иннокентий понимал, что Лея захвачена опытными убийцами, а он, хотя пока и свободен, но все же заперт в этой комнате, как птица в клетке, в одних подштанниках и каждую секунду готовый упасть в обморок.

Он просчитывал возможные пути отхода. В первую очередь нужно было выбраться из спальни, где он оказался. Но как? Через окно? Нет, оно было слишком мало, даже если постараться и выдавить стекло, все равно плечи застрянут в проеме. Спрятаться под кровать? Они зайдут, а его нет, пожмут плечами и уйдут. Нет, конечно, старый Казимир был

очень опытен и просто так не ушел бы.

Но вот уже послышались на лестнице шаги: одни быстрые, болтливые и легкие, а вторые тяжелые, уверенные в себе. Иннокентий юркнул с головой под одеяло и сделал вид, что спит.

Через мгновение дверь отворилась и зашли Аксинья и Казимир.

– Вот он, здесь, смотри-ка, уснул, а так тебя ждал, – шепотом проговорила Аксинья, поправляя одеяло на Иннокентии.

– Иди, Аксинья, мне с ним потолковать надо, я подожду, пока проснется. Иди, Георгий вернется, отдай ему девку, у седла которая.

Когда дверь затворилась Казимир наклонился к Иннокентии и прошептал:

– Борис, я такую девку нашел, она не маг, но что-то точно знает, что-то такое о каком-то Иннокентии, а тот – то ли внук, то ли сын Светозары. Малец-то у меня этот тоже в лапах был, да утек. Ничего, он мне доверяет, я его к вам на болота приведу. Георгий из девки сегодня-завтра все вытряхнет, она долго не выдержит. Так что скоро совсем конец будет.

Иннокентий обливался потом под одеялом от страха и возмущения. Ему хотелось встать и заорать на старика, кричать на него, сказать ему, что он предатель. И в то же время так горько ему было, ведь все, что он себе представлял, все

подвиги и песни бардов теперь были простой выдумкой, а не планами на ближайшее будущее.

– Спишь, Борис? – громче спросил Казимир. – Ну спи-спи.

Послышались шаги к двери, потом по лестнице. Иннокентий моментально подскочил к двери, резко распахнул ее, чтобы петли не успели скрипнуть, и кошкой прокрался вниз, на двор.

Предстояло пройти через кухню, в которой возилась Аксинья, подогревая обед Казимиру. Иннокентий мысленно прикинул: всего пять шагов. Пять шагов – и Лея, и свобода!

Аксинья сновала от кастрюли к тарелке, от тарелки к ведру, выписывая совершенно непредсказуемые петли, в которых нельзя было уследить логику, чтобы точно отмерить себе минуту, в которую следовало начать побег. Уже пару раз Иннокентий бросался к двери, однако баба резко и ловко, несмотря на свою тучность, разворачивалась в его направлении.

Медлить дальше было нельзя. В любой момент мог вернуться корчмарь и снять Лею с лошади, и тогда, чтобы удрать, пришлось бы действительно придумывать самый настоящий план.

И тут он заметил в углу, у помойного ведра, маленькую мышь, вцепившуюся в огромный капустный лист. Любой мальчишка знает, что надо делать, когда толстая тетка порхает с грацией бегемота по кухне, а под рукой возится малень-

кий серенький детонатор, способный взорвать эту жирную бомбу. Мышь приземлилась прямо перед носом Аксиньи. И в следующую минуту все бросились врассыпную: Аксинья – на печку, мышь – в кастрюли, а Иннокентий – к выходу.

«Только бы не упасть, только бы не упасть!» – думал Иннокентий, чувствуя слабость во всем теле.

Отсмеявшись, Казимир помог Аксинье слезть с печи.

– Ну, Аксинья, скажу Георгию, чтоб поставил мышеловку... Погоди-ка-а... Погоди-ка, погоди-ка! А где лошадь?! Лошадь где?!

Все медленно попятились в дом. На дворе остались только Миролюб и Борис.

– Скажи, ты тоже знаешь Казимира?

Миролюб замялся, не зная, что ответить. В эту минуту Борис заговорщически зашептал:

– Все нормально. Мы с тобой на одной стороне. Надо было бы придумать какой-нибудь пароль или отзыв, но меня просто не предупредили, что будет еще кто-то! Совершенно не понимаю, может быть, гонец не дошел. Но ты пришел позже меня, может, что-то изменилось, надо менять наши действия?..

Миролюб молча, не глядя на Бориса отрицательно мотал головой.

– В любом случае я очень рад, что нашел тебя. А тебя хотя бы предупредили, что мы на одной стороне?

Миролюб только мычал, вертя головой соответственно ответу на вопросы.

– Вот, что мне не дает покоя, – не замечая странностей в поведении Миролюба, продолжал Борис, – Кто тогда седьмой? Видишь, я про тебя ничего не знал, и думал, что все держу под контролем...

Миролюб очень внимательно рассматривал землю под ногами.

– Ну пошли что ли, что стоять-то? – подтолкнул его Борис. – А знаешь, я ведь сразу заподозрил неладное. Ну что это за дар такой: всякую белиберду говорить? На костях там гадать, или на лопухах будущее предсказывать, это одно, а тут напрямую ересь городить... Не подвело меня чутье, стало быть... Да что ты там увидел-то?

– Говорят, маги на два метра под землей видят... – медленно проговорил Миролюб.

– Хех, – ухмыльнулся Борис. – Поздновато профессию менять. Как-то тебя, видать, готовили впопыхах. Я год учился людям мозги крутить, чтоб им казалось то, чего не существует.

– А как ты это делаешь?

– Свиное рыло-то? – усмехнулся Борис. – Да тут много мастерства не надо. Никакое рыло я, конечно, не делаю. Моя задача – всех убедить, что пяточок у человека вместо носа. Двух убедил, остальные сами, как бараны, знаешь, они стадом бегут, потом первый сворачивает, и все остальные за

ним. Это сложно первые два раза. А потом по щелчку – люди привыкают, услышали щелчок, значит должны увидеть пяточок. Ну раз должны, значит, видят. Пяточок – это ерунда. Самое тяжелое было – убедить их всех, что мир к ним настроен враждебен. Тут вот пришлось попотеть, надо было их воспоминания узнать и постепенно подменить другими историями. Они должны поверить, что их там, откуда они, не ждут и прямо ненавидят их там все, чтобы эти не хотели вернуться, и даже боялись бы. Тогда их тут легко всех удержать.

– Хитро-о, – протянул Миролюб. – Однако, что же нам дальше делать? Про меня-то они знают, что я против них, а про тебя-то нет. Мы давай так с тобой сделаем: я тебя сейчас свяжу по рукам и ногам, и туда, ко всем втащу, и скажу им: если моей воле не подчинитесь, я его убью. Они своего защищать будут, нам все, что надо расскажут и все магические штучки-дрючки свои передадут.

– По рукам! – хлопнул Борис Миролюба по плечу.

В избе было жарко, несмотря на это по спине Миролюба бежал нехороший холодок. Он конвоировал в избу Бориса.

Приятеля частью были напуганы, частью возмущены. Первым вступился за товарища Ярослав:

– Отпусти его, Миролюб, он парень молодой, возьми меня

– Молодой да ранний, ему бы цвести, а он сгнил уже...

– Что ты имеешь ввиду? – обескураженно спросил Ярослав.

– А вот что, Ярушка. Мальчишка к нам давеча приходил,

Иннокентием звали. Если разбираться, то, как и Борис, молодой, длинный, сивый... Так вот мальчишку-то чуть убийцей не сделали.

– Никто его убийцей не делал, – возмутился Вениамин. – Убийцей, напомню, сделали меня!

– Ну или тебя, – вздохнул Миролюб.

– Ничего не понимаю, – затараторила Матильда. – Что происходит? Скажите вы уже, что за день сегодня такой? Кто убийца? Миролюб убийца? При чем тут Борис?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.